

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

вып. XVI

П А М И Р

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

Т. Н. Пахалина

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР ПАМИРСКИХ ЯЗЫКОВ

Под «памирскими языками» в лингвистической литературе принято понимать языки Припамирья, относящиеся к иранской группе индоевропейской семьи языков. Территория распространения памирских языков — верховья р. Пяндж с его притоками преимущественно в пределах Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана, а также в сопредельных районах Афганистана и соседних с ними районах Пакистана, частично в Северо-Западной Индии и, наконец, в памирской части Синьцзяна по границе с Советским Союзом.

К памирским языкам относятся: 1. Шугнано-рушанская языковая группа, включающая диалекты: шугнанский с баджувским поддиалектом, рушанский с хуфским поддиалектом (распространены в долине Пянджа по обеим его сторонам и в долине Хуф с правой стороны Пянджа), бартангский и орошорский (в долине р. Бартанг — правого притока Пянджа), сарыкольский (в Синьцзяне, в долине р. Ташкурган и ее притоков Вача, Тизнеф, в долинах рек Тагарма, Бурунгсоль); 2. Язгулемский язык (представлен только в Советском Союзе, в долине р. Язгулем — правого притока Пянджа); 3. Ваханский язык (в верховьях Пянджа, по обеим его сторонам, в верхнем течении р. Ярхун в Пакистане, в долине р. Хунзы в Северо-Западной Индии и в Синьцзяне, в долине р. Ташкурган, южнее мест расселения сарыкольцев); 4. Ишкашимский язык (распространен в долине Пянджа по обеим его сторонам в месте его излучины, где река меняет свое направление с западного на северное, а также в районе Санглича в Афганистане); 5. Мунджанский язык (распространен в Афганистане, в долине р. Мунджан, а также в близлежащих районах Пакистана); 6. Ванджский язык, известный в настоящее время по небольшому количеству слов, зафиксированных в 1924 г. И. И. Зарубиным [6], а позднее — А. З. Розенфельд [28; 29] (в прошлом был распространен в долине Ванджа — правого притока Пянджа); 7. Известно также предположение исследователей о существовании саргулямского языка (верховья р. Саргулям, к востоку от афганского Файзабада), также причисляемого к памирским языкам.

Памирские языки — языки малых народностей. Наиболее многочисленны из этих народностей представители шугнано-рушанской группы и ваханцы: шугнанцев (в широком понимании этого слова) насчитывается в общей сложности 40—50 тыс. человек, ваханцев — 25—30 тыс. человек. На остальных языках говорит всего около 4—4,5 тыс. человек.

Все памирские языки бесписьменны. В 30-х годах была предпринята попытка создания шугнанской и ваханской письменности, но она оказалась безуспешной. В настоящее время обучение всех памирцев

в пределах СССР осуществляется на таджикском языке. Сарыкольцы, живущие в пределах КНР, получают образование на уйгурском языке, а афганские памирцы — на фарси-кабули. Каждый из этих трех языков в своих пределах одновременно — и язык общения между разноязычными памирцами, поскольку памирские языки довольно сильно отличаются друг от друга, и взаимопонимание их носителей исключается.

История изучения памирских языков имеет уже более чем столетнюю давность. Появление первых небольших списков слов памирских языков, в частности ваханского, а затем и сарыкольского, относится к семидесятым годам прошлого столетия [44; 45; 46]. Несколько позже, в 1876 г., английский исследователь Р. Шоу опубликовал первые краткие грамматические сведения с приложением трех текстов и списка слов по сарыкольскому и ваханскому языкам [64], а в 1877 г. — небольшой материал по шугнанскому языку [65]. Материал Р. Шоу долгое время оставался единственным источником изучения памирских языков. Он использовался многими специалистами в их сравнительно-исторических и этимологических исследованиях. Так, вскоре после опубликования работы Р. Шоу его материал был использован чешским лингвистом В. Томашеком для установления им этимологических соответствий [68]. Впоследствии материал, содержащийся в трудах Р. Шоу, использовался в работах К. Г. Залемана, В. Гейгера, И. И. Зарубина, Г. Моргенштерне и других исследователей.

В 1883 г., путешествуя по Памиру, Д. Л. Иванов сделал во время своего пребывания в Шугнанах и Рушанах некоторые записи по шугнанскому языку. Поскольку сам он не был специалистом-языковедом, свою рукопись с записями он передал Географическому обществу, которое в свою очередь переслало ее в 1890 г. в Академию наук. Значение этих материалов было настолько велико, что академик К. Г. Залеман взял на себя труд их анализа, систематизации и публикации. В результате в 1895 г. появилось наиболее глубокое и наиболее полное для того времени исследование по шугнано-рушанской группе памирских языков «Шугнанский словарь Д. Л. Иванова» [3].

В конце прошлого века, когда шла подготовка к изданию известного свода по иранской филологии, В. Гейгеру было предложено составить для этого труда очерки по памирским языкам. Используя все опубликованные к тому времени работы по памирским языкам, В. Гейгер успешно справился со своей задачей, представив раздел *Die Pamir-Dialekte* [49].

В 1912 г. шугнанский и ваханский материалы были в незначительной степени пополнены А. Юлером [51], давшим краткие и не совсем точные грамматические очерки того и другого языка с приложением словарного материала.

В начале нашего столетия впервые вводится в научный обиход еще один памирский язык — язгулемский. Заслуга первых записей по язгулемскому языку принадлежит М. С. Андрееву. В 1908 г. им был представлен список 180 глаголов, опубликовать который ему удалось лишь в 1930 г. [1]. Но особое внимание М. С. Андреев уделял с самого начала обследованию долины Хуфа, в результате чего собрал большой этнографический и языковой материал, не успев, однако, до своей смерти (умер в 1948 г.) его издать.

В 1914 г. была организована русским и французским комитетами по изучению Средней Азии экспедиция на Памир в составе Р. Готье и И. И. Зарубина. В результате работы экспедиции в значительной степени были пополнены материалы по язгулемскому [147, 69], мунджанскому (известному к тому времени лишь по скудным материалам, опу-

бликованным Р. Шоу, Биддульфом и Г. Гриссоном [8; 48]) и другим памирским языкам.

Особенно большой материал по памирским языкам был собран И. И. Зарубиным во время его двухлетнего пребывания на Памире в 1915—17 гг. Им впервые были введены в научный обиход рушанский, бартанский [12] и орошорский [9, 11] языки. Ему же принадлежит заслуга первых текстовых записей по ишкашимскому языку [7]. Значительно были пополнены им материалы по шугнанскому [13] и ваханскому языкам. Все эти материалы постепенно на протяжении ряда лет И. И. Зарубиным обрабатывались и публиковались. Но, к сожалению, до сих пор осталось еще много неопубликованного из того, что было собрано им в те годы. Вклад И. И. Зарубина в памироведение неоценим. Он первым из иранистов обратил серьезное внимание на фонетику изучаемых языков, подойдя к ней фонологически. Ему была присуща тщательность в исследовании, хорошо продуманная методика сбора материала в полевых условиях. Благодаря этому лингвистические материалы, которые он публикует с 1924 г., получили общее признание как наиболее надежные и достоверные и чрезвычайно широко используются не только у нас, но и за рубежом.

В 1920 г. ишкашимский и язгулемский материалы в некоторой степени были пополнены Г. Г. Гриссоном [50].

Большой и интересный материал почти по всем памирским языкам был собран в 1928 г. шведским иранистом Х. Шёльдом [67] на территории Советского Памира. Однако он не успел опубликовать полностью эти материалы до своей смерти. Но они впоследствии широко привлекались Г. Моргенштерне, Д. Л. Р. Лоримером и другими учеными в их исследованиях по памирским языкам.

В 1933 г. была опубликована работа В. Ленца, содержащая краткую характеристику современного состояния памирских языков [52].

Большая заслуга в изучении памирских языков принадлежит известному норвежскому иранисту проф. Г. Моргенштерне. Начиная с 1928 г. и по сей день им публикуются работы по многим памирским языкам [54, 56—61]. Наиболее значительно его фундаментальное исследование, посвященное описанию мунджанского, ваханского и ишкашимского языков, опубликованное в 1938 г. [55]. Г. Моргенштерне впервые исследовал эти языки в историческом плане. Ему же принадлежит и пальма первенства в исследованиях и описании одного из интереснейших диалектов ишкашимского языка — сангличского, не представленного на территории Советского Союза. Большинство его работ основано на материалах, собранных им самим во время поездок в Афганистан, Пакистан и Индию. Правда, ему не всегда удавалось попасть непосредственно в район расселения тех или иных памирских народностей и поэтому приходилось иногда довольствоваться записью текстов со слов отдельных лиц, покинувших по тем или иным причинам родные края или приехавших на базар.

В 1936 г. С. И. Климчицкий опубликовал небольшую работу по ваханскому языку, содержащую, однако, довольно тонкие наблюдения в области фонетики и грамматики языка [18].

Несколько рушанских сказок были записаны (и позднее опубликованы) А. К. Писарчик во время предпринятой в годы войны экспедиции на Памир, возглавлявшейся М. С. Андреевым [27].

Большой вклад в изучение памирских языков был внесен В. С. Соколовой. Ею впервые было предпринято инструментально-экспериментальное исследование фонетики всех памирских языков, представленных на территории Советского Союза [32], установлены основные звуко-

вые соответствия по языкам шугнано-рушанской группы и язгулемскому языку. Ей принадлежат обширные публикации материалов по рушанскому, хуфскому [33] и бартангскому [34] языкам. В. С. Соколовой была уточнена также классификация шугнано-рушанской группы памирских языков [35]. Для коллективного труда «Языки народов СССР» ею подготовлен сводный грамматический очерк по всей шугнано-рушанской группе языков [36]. В 1967 г. была опубликована ее работа, в которой анализируются генетические отношения язгулемского языка и шугнано-рушанской языковой группы [37].

Начиная с 1956 г. автор настоящей статьи публикует материалы по ишкашимскому языку. В 1959 г. появилась наша монография, посвященная описанию фонетики и грамматики ишкашимского языка, с приложением текстов с переводом и сводного ишкашимского словаря [20]. Одновременно со сбором ишкашимского материала в 1953—55 гг. автор начал и сбор материала по ваханскому языку.

В 1956—1957 гг. нам довелось побывать в Сарыколе. В результате этой поездки был собран большой материал по сарыкольскому и ваханскому языкам. Сарыкольский материал лег в основу монографии, посвященной описанию фонетики и грамматики сарыкольского языка [23]. Автором подготовлен также сарыкольско-русский словарь (с обратным указателем). Так после восьмидесятилетнего перерыва (первая и последняя работа по сарыкольскому языку, принадлежащая Р. Шоу, была опубликована в 1876 г.) впервые был пополнен сарыкольский материал. Мы опубликовали также ряд отдельных статей, дополнивших нашу монографию, посвященную сарыкольскому языку [21; 22; 24; 62].

В 1969 г. мы опубликовали работу «Памирские языки», содержащую краткое описание каждого из памирских языков [26].

На основе материала, собранного в советском и зарубежном Вахане, автором настоящей статьи был написан очерк ваханского языка для коллективного труда «Языки народов СССР» [25]. В настоящее время мы готовим к печати монографию, посвященную описанию фонетики и грамматики ваханского языка (ваханского языка Советского Союза, Синьцзяна и Афганистана) со словарем и текстами.

Обстоятельное описание ваханского языка Пакистана и Индии содержится в работе английского ираниста Д. Лоримера [53]. Работа написана на основе материала, собранного автором во время его поездки в районы расселения ваханцев в 30—40-е годы. В ней содержится описание фонетики, морфологии и синтаксиса, приложены тексты с переводом и словарь. Этот труд, состоящий из двух томов, к сожалению, страдает очень существенным недостатком — отсутствием фонологического описания звуков. А это в значительной мере затрудняет анализ грамматических явлений, пользование словарем и сравнение этого диалекта ваханского языка с другими его диалектами.

В 1960 г. лексический материал по ваханскому, ишкашимскому и мунджанскому языкам был пополнен афганским исследователем Шах-Абдуллош Бадахши [66]. Им составлен небольшой словарь, где в сравнительном плане приводятся слова, помимо трех перечисленных выше памирских языков, еще и на пушту, а также на фарси. Словарь написан арабской графикой, не всегда могущей передать фонематический состав слова.

В 1963 г. Д. И. Эдельман публикует ряд статей, освещающих те или иные вопросы язгулемского языка [41]. Итогом же ее работы над язгулемским языком явилось монографическое его описание, опубликованное в 1966 г. [42]. Небольшой материал по памирским языкам привлекается ею для иллюстрации описания территориального распростра-

нения отдельных языковых явлений в работе, опубликованной в 1968 г. [43].

В последнее десятилетие исследованием памирских языков Советского Союза, в частности шугнано-рушанской языковой группы, занялись сами носители этих языков. Так, в 1962 г. появилась работа Р. Х. Додыхудоева по исторической фонетике шугнанского языка [2]. В следующем, 1963 г. вышла в свет монография Д. Карамшоева, посвященная описанию фонетики и грамматики буджувского диалекта шугнанского языка [16]. В работе подробно анализируются системы имени, глагола и служебных слов, показывается отношение буджувского диалекта к шугнанскому языку. К работе приложены разговорные и повествовательные тексты. В 1966 г. была издана монография М. Файзова, посвященная описанию фонетики и грамматики рушанского языка [39]. Н. Карамхудоев подготовил к печати работу, содержащую монографическое описание бартангского языка [15].

Такова вкратце история изучения памирских языков. Следует заметить, что некоторый языковой материал можно найти также в этнографических работах по Памиру [4; 5; 17; 19; 26; 36]. Очень ценный историко-географический материал по Памиру содержится в обстоятельной работе А. Н. Зелинского «Древние пути Памира» [14].

Итак, хотя изучение памирских языков началось почти сто лет тому назад, первые монографические исследования синхронного характера появились сравнительно недавно. В будущем предстоит большая работа по сравнительно-историческому изучению памирских языков. Выполнение такой большой и ответственной задачи в области памироведения осложняется тем, что эти языки бесписьменны. Воссоздание истории такого рода языков, по-видимому, невозможно без разностороннего и полного изучения современного состояния каждого из этих языков в отдельности, с одной стороны, и сравнительно-сопоставительного анализа их — с другой.

Цель настоящей статьи — дать сводку сходства и различий наиболее существенных структурных черт памирских языков, а также по возможности установить исторические соответствия для них. Это поможет, как нам представляется, более четко представить взаимоотношения этих языков.

Статья построена в основном на материале, собранном самим автором. Привлекается также материал из работ других исследователей.

ФОНОЛОГИЯ

§ 1. Для современного состояния вокализма памирских языков характерно сочетание качественного и количественного признаков. Сочетание это неодинаково в разных языках. Количественно-качественным оно является в языках шугнано-рушанской группы (за исключением сарыкольского). Общими для всей этой группы (имеются в виду три основных языка: шугнанский, рушанский, бартангский) являются следующие количественные оппозиции: $\bar{a} — a$; $\bar{i}, \bar{e} — i/e$; для шугнанского и бартангского еще и $\bar{u}, \bar{o} — u/o$, только для рушанского $\bar{u} — u$, $\bar{o} — o$. Вне количественной оппозиции находятся в шугнанском долгие $\bar{e}$ (хотя в баджувском диалекте шугнанского языка, по-видимому, и эта фонема имеет краткую пару: $\bar{c}\bar{e}xt$ 'согнутый' — $c\epsilon ft$ 'украл', так же как и пара $\bar{c}igt$ 'чирикал' — $\bar{c}ikt$ 'запал') и $\bar{a}$, в рушанском — $\bar{a}$, в бартангском — $\bar{o}$. Помимо наличия специфических гласных фонем в каждом из языков наблюдаются также незначительные различия

в фонетической характеристике отдельных гласных, которых мы здесь касаться не будем.

Основные соответствия между гласными шугнано-рушанской языковой группы схематично представлены в работе В. С. Соколовой [32].

Качественно-количественный тип противопоставлений характерен для сарыкольского, язгулемского, ишкашимского (по крайней мере собственно ишкашимского) и, возможно, мунджанского вокализма. Для этих языков основным является качественное различие гласных. Так, например, ишкашимский вокализм характеризуется следующими гласными фонемами: *e, o, u, ɨ, i, a, ɤ*. В язгулемском же языке, помимо качественно различающихся гласных *i, e, o, ɨ, u, ə*, все еще сохраняется одна чисто количественная оппозиция *ā — a*: *ṣān*, 'корова' — *ṣʰan* 'кровь'. В сарыкольском (во всяком случае в центральном говоре) различаются гласные *i, e, a, o, u, ɤ* и две фонемы-дифтонга *eu, eo*. Другой общей чертой, отличающей эти языки от языков шугнано-рушанской группы, является наличие редуцирующегося гласного (сар. *ɤ*, язг. *ə*, ишк. *ɤ*), противостоящего по длительности всем остальным гласным. Редуцирующиеся гласные соответствуют в основном кратким гласным других памирских языков (и в большинстве случаев историческим кратким): шугн., руш., барт., язг. *vaɜ*, ишк. *vɤɜ* 'коза'; шугн., руш., барт. *kut*, сар. *kɨt*, ишк. *kɤt* 'короткий'.

Иной тип взаимоотношений гласных фонем представляет ваханский вокализм. Он сочетает оппозицию долгих и кратких с оппозицией редуцирующегося гласного нередуцирующимся. Состав вокализма ваханского языка следующий: *ā, a, i, ɪ* (частично сохраняется в словах, где *ɪ* соответствует др.-ир. дифтонгу* *ai*), *ū, u, ɔ, o, ɨ, ɤ, ə* (плюс к этому *ẽ* для западного говора [38, 17]).

Интересной особенностью ваханского вокализма является то, что фонологическое противопоставление гласных по длительности в положении перед глухим смычным в ударенном слоге нейтрализуется. Абсолютная длительность гласных в этом положении приближается к абсолютной длительности кратких гласных тех фонетических положений, где эта оппозиция имеет место.

По типу оппозиции «долгота — краткость» ваханский сближается с языками шугнано-рушанской группы, хотя отношения долгих и кратких гласных не идентичны в них. По наличию редуцирующегося гласного ваханский сближается с сарыкольским, язгулемским, ишкашимским и мунджанским языками, хотя и тут нет полного совпадения по качеству этого гласного смешанного ряда в этих языках. По качеству гласных смешанного ряда и по их числу ваханский стоит ближе всего к сарыкольскому (*ɤ, ə*).

Говоря о современном состоянии вокализма памирских языков, следует сказать, что общей тенденцией в развитии вокализма памирских языков является переход от количественно-качественного типа оппозиции к качественно-количественным. В свете этого ваханский и шугнано-рушанский вокализм, где до сих пор сохраняются долгие и краткие гласные фонемы, отражают более древнее состояние, а ишкашимский, язгулемский и мунджанский вокализм представляет собой сравнительно новый этап.

Очень важным представляется установление синхронных и диахронных соответствий гласных памирских языков. Для языков шугнано-рушанской группы благодаря их большой близости удалось установить основные синхронные [48] и в какой-то степени диахронные соответствия. В. С. Соколовой предпринята также попытка установления звуковых соответствий между шугнано-рушанской группой и язгулемским языком

Отражение исторически долгого *ā*

Шугн.	Язг.	Вах.	Ишк.	Перевод	Исторические соответствия
1) <i>pōḥ</i> <i>wōḥ</i> <i>žōw</i> <i>cawōr</i> <i>niḥōs</i>	<i>peḥ</i> <i>wex</i> <i>ɣew</i> — <i>nabes</i>	<i>pāid</i> <i>wāiṣ</i> <i>ɣāw</i> <i>cābōir</i> <i>nyrpāis</i>	<i>pu(d)</i> <i>wuṣ</i> <i>ɣu</i> <i>cəfur</i> <i>nyvəs</i>	'нога' 'травя', 'сено' 'корова' 'четыре' 'внук'	ав. <i>pād-</i> ав. <i>vāstra-</i> * <i>gāvā-</i> ав. <i>čadwār-</i> ав. <i>napāt-</i>
2) <i>wēḥ</i> <i>-mēḥ</i> <i>pērnaḥ</i> <i>pēḥ</i> <i>wēɣzn</i> <i>čēḥ</i>	<i>wāḥ</i> — <i>poχna(?)</i> <i>paḥ</i> <i>vawz</i> <i>kāg</i>	<i>wōḥ</i> <i>mōḥ</i> <i>pōšt</i> <i>pōḥ</i> <i>fārz</i> <i>kāž</i>	— <i>mid</i> <i>pošna(?)</i> — <i>bōrbž</i> <i>keɭ</i>	'канал' 'кислое молоко' 'пятка' 'силко' 'береза' 'нож'	* <i>wāḥi-</i> ср. х. -с. <i>masta-</i> * <i>pāršni-</i> * <i>pādy-</i> * <i>bārz(ni-)</i> * <i>kārti-</i>
3) <i>p.bēn</i> <i>pišēn</i>	<i>ban</i> <i>pəsan</i>	<i>pūn</i> <i>pišūn</i>	— <i>vosin</i>	'ладонь' 'оселок'	др.-инд. <i>pāṇiḥ</i> др.-инд. <i>sāṇaḥ</i>
4) <i>ḍān</i>	— <i>paḍanḡ</i>	<i>ḍān</i> <i>nyḍān</i>	<i>dān</i> —	'поджаренные зерна' 'ножны'	др.-инд. <i>dhāna-</i> др.-перс. * <i>ni-</i> <i>dāna-</i> ав. <i>nāman-</i>
<i>nām</i>	—	<i>nūng</i>	<i>nim</i>	'нмя'	

Отражение исторически краткого *a*

Шугн.	Язг.	Вах.	Ишк.	Перевод	Исторические соответствия
1) <i>xīḥ</i> <i>ḍīs</i> <i>xīr</i> <i>divi</i> <i>pīs-</i>	<i>xūḥ</i> <i>ḍūs</i> <i>xəwūr</i> <i>dəvūr</i> <i>paɣ/ž-</i>	<i>ḥaṣ</i> <i>ḍas</i> <i>ḥar</i> <i>bār</i> <i>pac-</i>	<i>xbṣ</i> <i>da</i> — <i>var</i> <i>pac-</i>	'теща' 'десять' 'солнце' 'дверь' 'варить'	ав. <i>xvasru-</i> ав. <i>dasa-</i> ав. <i>xvar-</i> ав. <i>dvar-</i> ав. <i>pak-</i>
2) <i>xīɣ</i> <i>xisur</i> <i>ḥīɣ</i> <i>xīf</i>	<i>xūɣ</i> <i>xūsor</i> — <i>xufk</i>	<i>xūžg</i> <i>ḥurs</i> <i>yukṣ</i> <i>xuf</i>	<i>xāžuk</i> <i>xbśr</i> <i>k(ə)žúk</i> <i>xūf</i>	'сладкий' 'тесть' 'бык' 'пена'	ав. <i>xvarəz-</i> ав. <i>xvasura-</i> ав. <i>uxšan-</i> ав. <i>kafa-</i>
3) <i>ḍūst</i> <i>vūst</i> <i>wūs</i>	<i>ḍūst</i> <i>vūst</i> —	<i>ḍast</i> <i>vast</i> <i>was</i>	<i>dūst</i> <i>vūst</i> —	'рука' 'связал' 'балка'	ав. <i>zasta-</i> ав. <i>basta-</i> др.-инд. <i>vaṃsa-</i>
4) <i>gōrō</i> <i>cōḥt</i>	<i>g°iḥ</i> —	<i>wolč</i> <i>čōšt</i>	<i>worc</i> —	'перепел(ка)' 'обед'	др.-инд. <i>varti(kā)-</i> др.-инд. <i>caṣati</i> 'ipt'
<i>vēɣz(?)</i> 5) <i>šānd-</i> <i>ancav-</i> <i>wāf-</i>	— <i>xand-</i> <i>əncav-</i> <i>waf-</i>	<i>vorzik</i> <i>kand-</i> <i>drav-</i> <i>ɣf-</i>	<i>vožd(i)</i> <i>xond-</i> <i>andərv-</i> <i>if-</i>	'подушка' 'смеяться' 'шить' 'ткать'	ав. <i>bar°ziš-</i> * <i>khand-</i> *(<i>ham</i>)- <i>darb/v-</i> <i>wab/p-</i>

Отражение исторически краткого *u*, долгого *ū* и дифтонга *au* (или сочетания *aw*)

Шугн.	Язг.	Вах.	Ишк.	Перевод	Исторические соответствия
<i>u</i> { <i>mut</i> <i>puc</i> <i>sut</i> —	{ <i>mot</i> <i>roc</i> <i>šod</i> <i>sərx</i>	{ <i>myt</i> <i>pətr</i> <i>-šət</i> <i>səkr</i>	{ <i>myt</i> — <i>sbrx</i>	'кулак' 'сын' 'идти' 'красный'	ав. <i>mušti-</i> ав. <i>pūdra</i> ав. <i>šūta-</i> ав. <i>suxra-</i>
<i>ū</i> { <i>ḍud</i> <i>pud</i> <i>vud</i> <i>siɣ</i>	{ <i>ḍod</i> <i>pod</i> —	{ <i>ḍit</i> <i>pit</i> <i>vit</i> <i>sic</i>	{ <i>did</i> <i>pūd</i> <i>vūd</i>	'дым' 'сгнил' 'был, стал' 'игла'	др.-инд. <i>dhūma-</i> ав. <i>pūta-</i> ав. <i>būta-</i> ав. <i>sūkā-</i> <i>sūcī-</i>
<i>au</i> { <i>ɣāɣ</i> <i>čibād</i> <i>rāz</i> <i>ḍāɣ-</i> <i>ḥūn</i>	{ <i>ɣəvon</i> <i>kabəd</i> <i>rəjon</i> — —	{ <i>ɣiṣ</i> <i>kəbit</i> <i>ricn</i> <i>dic-</i> <i>šin</i>	{ <i>ɣūl</i> <i>kūvid</i> <i>recəp</i> <i>deš-</i> <i>šen</i>	'ухо' 'голубь' 'окно' 'донить' 'зад'	ав. <i>gaḍša-</i> др.-инд. <i>kapō-</i> <i>ta-</i> ав. <i>raḍčana-</i> др.-инд. <i>dōg-</i> ав. <i>sraḍni-</i>

Отражение исторически краткого *i*, должного *ī* и дифтонга *ai*

Шугн.	Язг.	Вах.	Ишк.	Перевод	Исторические соответствия
<i>i</i> { <i>ziv</i> <i>p. cīp</i>	{ <i>z(ə)veg</i> —	— <i>čyp</i>	{ <i>z̄vūk</i> —	'язык' 'название птицы'	ав. <i>hizva-</i> др.-инд. <i>cippika-</i>
<i>ī</i> { <i>sitir</i>	{ —	<i>pyv-</i> <i>sətray</i>	{ <i>p̄v-</i> <i>šbc</i>	'пить' 'самка'	др.-инд. <i>pibhati</i> ав. <i>strī-</i>
		<i>vrin-</i> <i>štn</i>	{ <i>v̄rn-</i> —	'стричь овец' 'синий'	ав. <i>brīn-</i> ав. <i>axšaēna-</i>
<i>ai</i> { <i>šin</i> <i>wīn-</i> <i>mēz-</i> <i>safəd</i> <i>(par)wēz-</i>	{ <i>šin</i> <i>wīn-</i> <i>miz-</i> <i>sapid</i> <i>(par)wiz-</i>	{ — <i>win-</i> <i>mīz-</i> — <i>pirvic-</i>	{ — <i>wēn-</i> — (<i>e</i>) <i>spēd</i> <i>-bez</i>	'видеть' 'мочиться' 'белый' 'просенывать'	ав. <i>vaēn-</i> ав. <i>maēz-</i> ав. <i>spaēta-</i> ав. <i>vaēk-</i>

[49]. Выше мы приводим основные типы соответствий гласных фонем, отмеченные В. С. Соколовой для шугнанского и язгулемского языков, распространяя эти соответствия на ваханский и ишкашимский языки.

Как следует из приведенных соответствий гласных фонем, наибольшее количество различных межязыковых и внутриязыковых трансформаций выпало на долю исторического долгого *ā* и краткого *a*. В ваханском языке, например, эти две гласные фактически могут давать любую гласную (*u*, *o*, *y*, *a*, *ə*, реже *ī*), кроме дифтонгов. Интересная картина наблюдается в соответствиях гласных переднего и заднего рядов. Во всех языках, кроме ваханского, развитие исторических *ū*, *u*, с одной стороны, и *ī*, *i* — с другой, шло по линии слияния каждой из этих пар в определенную для каждого языка гласную фонему (др.-ир. *u*, *ū* > шугн. *u*, язг. *o*, ишк. *ɔ*; др.-ир. *i*, *ī* > шугн. *i*, язг. *ə*, ишк. *ɔ*). В ваханском же языке эти пары гласных фонем в процессе развития, наоборот, разошлись, а слияние произошло для др.-ир. *ū* и дифтонга *au*, которые дали в вах. *ī*, и др.-ир. *ī* и дифтонга *ai*, которые также дали в вах. *i* (дифтонг *ai* — к тому же и *ī/ē*). Исторически же краткие *u* и *i* перешли в ваханском в гласные смешанного ряда *ɔ*, *ə*.

§ 2. В консонантизме сходство проявляется в наличии следующих фонем: смычных *p*, *b*, *t*, *d*, *k*, *g*, *q*; аффрикат *c*, *ɟ*, *č*, *j*; щелевых *f*, *v*, *s*, *z*, *š*, *ž*, *x*, *ɣ*; сонантов *ɰ*, *y*, *m*, *n*, *l*, *r*. Шугнано-рушанская группа сверх того включает пару заднеязычных щелевых *š*—*ʃ* и плюс два плоскощелевых переднеязычных *ð* и *ð̣*. В ишкашимском консонантизме нет присущих шугнано-рушанской группе *ð*, *ð̣*, *š*, *ʃ*, но имеется ряд церебральных согласных: *t̪*, *d̪*, *ɕ*, *ʂ*, *ʐ*, *ʎ*. К ишкашимскому консонантизму близок мунджанский. Ваханский консонантизм включает все то, что имеется в шугнано-рушанской группе, и плюс к этому церебральные согласные, имеющиеся в ишкашимском, с добавлением церебрального *j̪*. В язгулемском, как и в шугнано-рушанской группе нет церебральных согласных, но в отличие от всех памирских языков в язгулемском имеется фонологический ряд огубленных заднеязычных и увулярных согласных: *x°*, *ɣ°*, *š°*, *q°*, *k°*, *g°*.

Большинство согласных фонем артикуляторно и акустически совпадают по языкам. Но есть и некоторые различия. Так, например, смычные *k* и *g* в одних языках (шугнанский, рушанский, ваханский, ишкашимский) являются заднеязычными, в других (в диалектах собственно рушанского, хуфском и мунджанском) — среднеязычными. А в язгулемском языке эти разновидности фонем *k* и *g* уже фонологически противопоставлены (*kār* 'дело, работа' — *kār* 'глухой').

Приводим некоторые примеры соответствий в области консонантизма.

Шугн.	Язг.	Вах.	Ишк.	Перевод	Исторические соответствия
<i>čān-</i>	<i>kan</i>	<i>kyñ-</i>	<i>kan-</i>	'копать'	ав. <i>kan-</i>
<i>čibūd</i>	<i>kabād</i>	<i>kābit</i>	<i>kāvid</i>	'голубь'	др.-инд. <i>kapōta-</i>
<i>čēd</i>	<i>kāg čāg</i>	<i>kāž</i>	<i>keļ</i>	'нож'	* <i>kārti-</i>
<i>čawōr</i>	—	<i>čabūr</i>	<i>čəfur</i>	'четыре'	ав. * <i>čawār-</i>
<i>žōw</i>	<i>γew</i>	<i>γūw</i>	<i>γu</i>	'корова'	* <i>gāvā-</i>
<i>žīr</i>	<i>γār</i>	<i>γār</i>	—	'камень'	ав. <i>gairi-</i>
<i>γūγ</i>	<i>γəvon</i>	<i>γiš</i>	<i>γūļ</i>	'ухо'	ав. <i>gaōša-</i>
<i>šār</i>	<i>xūr</i>	<i>xūr</i>	<i>xūr</i>	'осел'	ав. <i>xarā-</i>
<i>xīf</i>	<i>xufk</i>	<i>xuf</i>	<i>xūf</i>	'пена'	ав. <i>kafa-</i>
<i>xīj</i>	<i>x°ān(?)</i>	<i>yukš</i>	<i>k(ə)žūk</i>	'бык'	ав. <i>uxšan-</i>
<i>tēx-</i>	<i>taw-</i>	<i>tūš</i>	<i>tuļ-</i>	'тесать'	ав. <i>taš-,</i> <i>ṭwārəs-</i>
<i>divi</i>	<i>dəvār</i>	<i>bār</i>	<i>var</i>	'дверь'	ав. <i>dvar-</i>
<i>dis</i>	<i>ḍās</i>	<i>ḍas</i>	<i>da</i>	'десять'	ав. <i>dasa-</i>
<i>ḍust</i>	<i>ḍūst</i>	<i>ḍast</i>	<i>dust</i>	'рука'	ав. <i>zasta-</i>
<i>aray</i>	<i>cūy</i>	<i>truy</i>	<i>rūy</i>	'три'	ав. <i>ṭray</i>
<i>puç</i>	<i>poc</i>	<i>pətr</i>	—	'сын'	ав. <i>puṣra</i>
<i>pīs-</i>	<i>paʃ/ž-</i>	<i>pac-</i>	<i>pac-</i>	'варить'	ав. <i>pak-</i>
<i>pōd</i>	<i>peḍ</i>	<i>pōid</i>	<i>pu(d)</i>	'нога'	ав. <i>pād-</i>
<i>vrōd</i>	<i>vrad</i>	<i>vrat</i>	<i>vru(d)</i>	'брат'	ав. <i>brātar-</i>
<i>voγz</i>	<i>vəz</i>	<i>vərz</i>	<i>vəždūk</i>	'длинный'	ав. <i>barəz-</i>
<i>vēγzn</i>	<i>vəwz</i>	<i>fūrz</i>	<i>bərēž</i>	'береза'	* <i>bārz(ni)</i>
<i>wōx</i>	<i>wəx</i>	<i>wəš</i>	<i>wuš</i>	'травя'	ав. <i>vāstra-</i>
<i>win-</i>	<i>win-</i>	<i>win-</i>	<i>wen-</i>	'видеть'	ав. <i>vaēn-</i>
<i>wēd</i>	<i>wāḍ</i>	<i>wōḍ</i>	—	'канал'	ав. <i>vaṭi-</i>
<i>nām</i>	—	<i>nūng</i>	<i>nim</i>	'имя'	ав. <i>nāman</i>
<i>mez-</i>	<i>miz-</i>	<i>mīz-</i>	—	'мочиться'	ав. <i>maēz-</i>
<i>sitir</i>	—	<i>sətrəy</i>	<i>šbc</i>	'самка'	ав. <i>strī-</i>
<i>siž</i>	—	<i>sic</i>	—	'иголка'	ав. <i>sūkā-, sūci</i>
<i>xūn</i>	—	<i>šin</i>	<i>šen</i>	'зад'	ав. <i>sraōni-</i>
<i>sut</i>	<i>šod</i>	—	<i>šbd</i>	'идти'	ав. <i>šāta-</i>
<i>pisūn</i>	<i>pəšan</i>	<i>p(ə)šin,</i>	—	'заплата'	* <i>upa-š(y)awna-</i>
<i>si pin</i>	—	<i>išn</i>	<i>špən</i>	'железо'	* <i>spana-</i>
<i>xitērz</i>	<i>x(ə)tarag</i>	<i>sətor</i>	<i>strūk</i>	'звезда'	ав. <i>star-</i>
<i>xīr</i>	<i>xəwār</i>	<i>xār</i>	—	'солнце'	ав. <i>xvar-</i>
<i>xīx</i>	<i>xūx</i>	<i>xāš</i>	<i>xəš</i>	'теща'	ав. <i>xvasru-</i>
<i>yax</i>	<i>x°arg</i>	<i>xūy</i>	<i>ixo</i>	'сестра'	ав. <i>xvañhar-</i>
<i>a-sīd</i>	<i>a-sūḍ</i>	<i>a-sərd</i>	<i>a-sol</i>	'этот год'	ав. <i>sarəd-</i>
<i>gōrō</i>	<i>g°iḍ</i>	<i>wolč</i>	<i>worc</i>	'перепел(ка)'	др.-инд. <i>vartī(kā)-</i>

Как видно из приведенного списка слов, наибольшее число архаических черт присуще ваханскому языку. Ваханский язык более последовательно сохраняет исторические начальные, конечные и интервокальные *p*, *t*, *k*, консонантную группу *tr*, в ряде случаев — древние группы *rd*, *rt*, а также более последовательно сохраняет группы *rs*, *rz*.

МОРФОЛОГИЯ

Имена существительные и прилагательные

§ 1. В системе имени существительного общим для всех памирских языков является наличие категории числа. Форма единственного числа имени совпадает с основной: шугн. *pis*, язг. *poc*, ишк. *zas*, вах. *pətr*, мундж. *pūr* — сын. Множественное число образуется прибавлением к основе следующих наиболее употребительных суффиксов: 1) шугн. *-en* (иногда к тому же с перегласовкой основы) — *rasen* 'сыновья'; 2) язг. *-en* употребляется только при лицах: *rasen* 'сыновья',

а суффиксом более широкого употребления является *-aḍ*: *kalxozčīaḍ* 'колхозники', *vəzaḍ* 'козы'; 3) ишк. *-ən* также употребляется главным образом при лицах (*zasən* 'сыновья'), а универсальным суффиксом множественного числа является *-o*: *kalxozčīo* 'колхозники', *vəzo* 'козы'; 4) вах. *-iš(t)*: *pātrišt* 'сыновья', *būčišt* козы; 5) мундж. *-ī*: *pūri* 'сыновья', *vəzi* 'козы'.

Различно вокализованный суффикс множественного числа *-n* (в шугнано-рушанской группе, кроме сарыкольского, в язгулемском и ишкашимском языках) восходит к древнему родительному на *-ānām*. Язгулемский же суффикс *-aḍ*, как известно, возводится исследователями к древнеиранскому суффиксу собирательной множественности *-θwa* (др.-инд. *-tva*, ср. др.-инд. *bhrātrtvam* братство).

Что касается ваханского суффикса множественного числа *-iš(t)*, то, насколько нам известно, до сих пор в специальной литературе не встречалось никаких гипотез относительно его происхождения. Р. Готью и П. Тедеско сопоставляли его с согдийским *-yšt*, не углубляясь в его историю. Анализ ваханского материала дает возможность возводить его к древнеиранскому суффиксу собирательной множественности **-spa* с суффиксальным наращением *-ta* (последний, по-видимому, из *-θwa*, но может быть, и из **-ta*), где элемент *-sp* = др.-инд. *śv* = и.-е. *kw* (ср. вах. *yaš* 'лошадь', *šač* 'собака'). Гласный ваханского суффикса закономерно продолжает тематическую гласную *-ā* (ср. вах. *išn* 'железо'). Элемент *-spa* как показатель собирательной множественности можно усматривать в др.-ир. *vīspa* 'весь, все'. Это слово, как нам представляется, можно расчленить на *vīza* 'оба' и *-spa*, т. е. 'оба' (во множественном числе). Такая интерпретация др.-ир. *vīspa* приводится и Ю. Покорным (см.). Любопытно отметить, что вариант древнеиранского суффикса собирательной множественности **-spa* представлен в одном из неиранских языков в виде *-kpa* (очевидно, в языке группы *centum*). И. И. Зарубин в своей работе «Вершикское наречие канджутского языка» (Л., 1927) на стр. 280 пишет: «...арийское население Драса... известно у своих соседей под именем *brusa* или *brokpa*.... Эти наименования представляют одно и то же племенное имя *ver* или *bur*...».

В большинстве диалектов шугнано-рушанской группы и в язгулемском языке ряд слов (чаще термины родства) имеют особые суффиксы множественного числа: шугн. *-ērj*, руш. *-ērj*, барт. *-ārj*, *-ērj*, *-ōrj*, *-ōrj*, язг. *-ežg*, например: шугн. *dōdērj*, руш. *pidērj*, барт. *pidārj* — 'отцы', руш., барт. *nanērj*, язг. *nanežg* — 'матери', руш. *ma-šōrj* 'смесь гороха со злаковыми', язг. *zəmtēžg* 'поля', а также суффикс *-ār*: шугн., руш., барт. *vīrōdār* (барт. *vīrōdārj*) 'братья', руш. *karyār* 'рабочие-поденщики', язг. *dərdar* 'дочери' (ср. также ишк. *vrudar-ən* 'братья').

Что касается язгулемского суффикса *-ežg*, то он, вполне возможно, имеет генетическую связь с ваханским *-išt*. Древнеиранская группа *sp*, отразившаяся в ваханском как *š*, в язгулемском могла давать *ž* (из более раннего* *s*). Но если в ваханском этот суффикс получил наращение в виде *-t*, то в язгулемском — *-g* (**-ka*).

Гласный элемент язгулемского суффикса *-ežg* закономерно продолжает тематическую гласную *-ā* (ср. язг. *peḍ* 'нога', *weḥ* 'травя', *ṭew* 'бык').

Есть и другая возможность в объяснении язгулемского суффикса *-ežg*, а именно: из **-ā-saka*, где элемент **-sa* < др.-инд. *-śa* (ср. др.-инд. *palāśa* 'листва').

Что касается шугнано-рушанского суффикса *-ār* и суффикса «глас-

ны $\dot{a}+rj/j$ », то нам представляется, что они одного происхождения, только первый из них представлен в неосложненном виде, а второй — с наращением $-j/j$, также выражавшим множественность (ср. б. *ṣanēz* 'жены'). Исторически первый компонент этого суффикса, возможно, продолжает древнеиранский показатель собирательной множественности $-ḍra$ (ср. руш. *arōn* < **ātra-dāna*, *aray* < ав. *ḍray*). Таким образом, если бы мы попытались спроецировать на древнеиранскую почву слово *virōdar* (шугн., руш., барт.) 'братья', то оно, по-видимому, должно было бы иметь следующий вид **bratr-ḍra* (ср. ав. *ṣuru-brāḍra*-, *brātra-vant*-). Предположение некоторых исследователей о происхождении формы множественного числа слова «брат» в языках шугнано-рушанской группы и в сангличском [55, 338; 37, 34] от древней формы множественного числа именительного падежа **brā-tarah* не дает ответа на вопрос, откуда появилась долгота в гласном *a* в слове *virōdar* 'братья'. А хуфский и бартангский варианты этого слова — *virōdārj* 'братья' — делает это предположение еще более сомнительным. Немаловажным фактом, идущим в противоречие с этим же предположением, является и то, что для памирских языков, сравнительно, например, с персидским языком, не было характерно сохранение основ на *-ar* (ср. шугн., руш., барт. *pid* 'отец'; шугн., руш., барт. *virōd*, вах. *vryt*, ишк. *vru(d)*, язг. *ved*, м. *vəroy* 'брат'; вах. *ḍəḍd*, язг. *ḍoḍd*, ишк. *wūdūḍd* 'дочь'; шугн., руш., барт. *uax*, вах. *ḫyu*, ишк. *ixo* 'сестра'). Наконец, есть еще одно соображение, опровергающее приведенную гипотезу о происхождении суффикса *-ār*. Если принять предположение о составе др.-ир. слова *viśpa* 'весь, все' (< *va-ya-* 'оба' + показатель собирательной множественности **-spa*), то, следовательно, можно полагать, что и шугн. *varḍ*, сар. *verḍ/t* 'оба' (и, очевидно, шугн. *fūk(aḍ)* / *būq(aḍ)* 'весь, все') состоит из **va+rḍ*, где *va-* < ав. *va-* 'оба', а *-rḍ* < **-ḍra-ḍwa*, где *-ḍra* и *-ḍwa* — суффиксы собирательной множественности. Такое же нанизывание суффиксов мы видели и в вах. *-iš(t)* < **-a-spa-ta*, и в язг. *-ežg* < **-ā-spa-ka* / **-ā-sa-ka*, и в шугн.-руш. 'гласный $\dot{a}+rj/j$ ' < **-ā-ḍra-kā*; или ср., например, руш. *rast-ay-ēnž* 'правда' (два суффикса абстрактности). Таким образом, если действительно в шугн. *varḍ* содержится тот же суффиксальный компонент *-r-*, что и в шугн.-руш. суффиксе *-ār* и в суффиксе 'гласный $\dot{a}+rj/j$ ', то тогда тем более нет необходимости прибегать к увязыванию суффикса *-ār* с формантом древнего именительного падежа *-ah* от основ на *-ar*.

Как уже было сказано выше, неосложненный вариант этого суффикса множественного числа (*-ār* < **āḍra*) отмечен в языках шугнано-рушанской группы в слове *virōdar* 'братья', возможно, также в руш. *karyār* 'рабочие-поденщики' (и, может быть, в шугн. *varḍ* оба). Но зато очень широко представлен этот суффикс в ряде диалектов Ирана в виде *-al:ādamal* 'люди', *xarfal* 'слова' (в диалектах Фарса). Остаточный он сохраняется и в тадж. *čangol* 'когти' (*čang* 'коготь').

Осложненный же вариант суффикса *-ār* (т. е. 'гласный $\dot{a}+rj/j$ ') отмечен для большего количества слов в языках шугнано-рушанской группы: шугн. *dōdērj*, руш. *pidērj* (наряду с *pīdēn*), барт. *pidārj* 'отцы', руш., хуф. *pačērj* (наряду с руш. *pacēn*), барт. *pačārj* 'сыновья', руш. *ṣanērj* (наряду с *ṣanēn*), барт. *ṣanārj*, *ṣanōrj/j* 'жены', руш. *maḫōrj* 'смесь гороха со злаковыми' (ед. ч. *maḫ*), но ср. руш., барт. *uaxžēn*, барт. *uaxžōn* 'сесгры'.

Вариант шугнано-рушанского суффикса «гласный $\dot{a}+rj/j$ », возможно, достаточно сохраняется в вах. *ṣədūrg* 'стадо яков' и в язг. *ḫāterg* 'персиковое дерево'.

В сарыкольском, ваханском и мунджанском языках, где различаются две падежные формы в имени существительном — прямая и косвенная, имеются особые показатели множественного числа и для косвенной формы: вах. *-əv*, сар. *-əf*, мундж. *-af*. Все эти суффиксы восходят, как это уже установлено, к др.-ир. форманту дательного падежа множественного числа *-byā*, *-byō*.

§ 2. Если категория числа свойственна всем без исключения памирским языкам, то категория падежной формы в системе имени существительного присуща более узкому кругу этих языков: она сохраняется до сих пор только в ваханском, мунджанском и в одном из языков шугнано-рушанской группы — сарыкольском. В этих трех языках в настоящее время различаются две падежные формы: прямая и косвенная, причем в ваханском и сарыкольском языках это различие выражено формально только во множественном числе (вах. показатель *-əv*, сар. *-əf*), в единственном числе имя ни в том ни в другом языке никак не оформлено. В мунджанском же языке и в единственном и во множественном числе для каждой из двух падежных форм имеются свои показатели: *-əy*, *-a* (ед. ч. пр. ф.), *-an*, *-in* (ед. ч. косв. ф.) и *-i* (мн. ч. пр. ф.), *-af* (мн. ч. косв. ф.). Форманты множественного числа во всех этих языках (вах. *-ev*, сар. *-əf* и мундж. *-af*), как уже отмечалось, имеют общее происхождение. Мунджанское окончание множественного числа прямой формы *-i*, возможно, общего происхождения с таким же окончанием в пушту (на это указывает и И. И. Зарубин [8]). Что же касается мунджанских окончаний *-an*, *-in*, то происхождение их объясняется по-разному [8].

В отношении употребления падежных форм памирские языки полностью совпадают: прямая падежная форма употребляется в прямых синтаксических позициях (подлежащее, именное сказуемое), а косвенная форма — в косвенных синтаксических позициях (а в тех языках, где различается спряжение переходных и непереходных глаголов в прошедших временах, косвенная форма употребляется также в функции подлежащего при переходном глаголе).

Помимо предлогов и послелогов, широко используемых во всех памирских языках (см. стр.) при имени в косвенной форме, в ряде памирских языков употребляются аффиксальные уточнители (или конретизаторы) косвенной позиции имени во фразе. Так, в ваханском, ишкашимском и сарыкольском языках употребительны показатели прямого дополнения: вах. *-i//əy* [*pātr-i* (*pātrəv-i*) *wēnəm*], ишк. *-i* [*zās-i* (*zāsín-i*) *wépnəm*], и сар. префикс *a-* [*a-pýc* (*a-pýcéf*) *wéynam* 'вижу сына (сыновей)']. Ваханский и ишкашимский показатели прямого дополнения, очевидно, имеют одно происхождение. Сарыкольский же показатель *a* ≠ не только не связан с ними генетически (вероятно, из *az*, др.-перс. *<hača-*), но и типологически несколько отличается от соответствующих служебных элементов в ваханском и ишкашимском языках. Сарыкольский показатель *a* ≠ (как и вообще любой препозитивный служебный элемент) в случае его употребления при именном словосочетании оформляет не словосочетание в целом, а только имя — определяемое. Так, выражение 'я вижу своего сына' будет: сар. *wáz xy a-pýc wéynam*, вах. *wúz xy pātr-i wēnəm*, ишк. *azí xí zās-i wépnəm*. Таким образом, в данном случае сарыкольский имеет довольно существенное отличие не только сравнительно с ваханским и ишкашимским, но и со всеми остальными памирскими языками.

Другим уточнителем косвенной позиции имени является показатель определения (по принадлежности), отмеченный для ваханского (*-i*) и язгулемского (*-i*) языков. Так, например, выражение 'дом сына

(сыновей)' передается так: в вах. *pətr-(i)* [*pətrəv-(i)*] *xūn*, в язг. *pós-i* (*pacén-i*) *kūd*. Вполне возможно, что в данном случае мы имеем не только типологическое, но и генетическое сходство (*ǝ* < **-hya*). Следует, однако, заметить, что в ваханском языке так же, как в языках шугнано-рушанской группы и ишкашимском языке, связь определения по принадлежности (как и любого другого) с определяемым чаще всего осуществляется простой препозицией определения: вах. *pətr* (*pətrəv*) *xūn*, шугн. *puc* (*pacén*) *čīd*, ишк. *zas* (*zasəv*) *xuɪ* 'дом сына (сыновей)'. В этих же языках употребителен и другой (аналитический) способ связи принадлежностного определения с определяемым: вах. *pətr-an* *yaw xūn*, сар. *pəc-an wī čed*, ишк. *zās-noy*, (*zas-no+i*) *xuɪ* 'дом сына' (букв. 'сына, его дом'). В данном случае мы имеем типологическое и генетическое ваханско-шугнано-ишкашимское сходство. Мунджанский язык в этом отношении стоит особняком. Имя в функции принадлежностного определения в нем употребляется в косвенной падежной форме, но постпозитивно (хотя другие типы определений — препозитивно) и снабжено к тому же предлогом *ža* (< **ha-ča*): *k'au ža pūgan* 'дом сына'.

§ 3. Категория рода свойственна еще более узкому кругу памирских языков: шугнано-рушанской группе (кроме сарыкольского) и мунджанскому. Но общность эта, по-видимому, только типологическая. В языках шугнано-рушанской группы род (имеется в виду морфологический аспект) выражается преимущественно изменением корневой гласной (руш. *nabūs* 'внук' — *nabēs* 'внучка', *čiχ* 'петух' — *čaχ* 'курица', *šur* 'осел' — *šar* 'ослица'), а в мунджанском — в основном окончаниями, хотя встречается и способ перегласовки (*nawəs* 'внук', — *nawəs-a* 'внучка', *kəɾəu* 'петух' — *kəɾəu-a* 'курица', но *xara* 'осел' — *xəɾa* 'ослица'). Другое отличие состоит в том, что в шугнано-рушанской группе языков имена, не связанные с различием пола, вне фразы в отношении рода нейтральны (а во фразе могут относиться либо к мужскому, либо к женскому роду в зависимости от родовой принадлежности относящегося к имени глагола (см. в разделе «Глагол») или указательного местоимения, в мунджанском же языке и эта группа слов вне фразы разделена на роды [*šxiy* (м. р.) 'шея', *šiž-na* (ж. р.) 'иглолка' и др.]. В мунджанском разделение имен на роды отражается и на падежной флексии единственного числа (пр. пад. м. р. -əy, -a, ж. р. -a, косв. пад. м. р. -an, ж. р. -in). Таким образом, по степени развитости категории рода мунджанский не может быть сравнен ни с одним из памирских языков. В этом отношении он сближается с пушту.

В других памирских языках в настоящее время встречаются только остатки родовых различий (вах. *xəɾyān* 'племянник' — *xəɾyān* 'племянница', ишк. *wūrək* 'ягненок' — *werək* 'ярка', язг. *nabes* 'внук' — *nabās* 'внучка').

§ 4. Имя прилагательное в функции определения во всех памирских языках препозитивно, причем оно не изменяется ни по числам [вах. *baf pətr* (*pətrišt*), шугн. *bašānd puc* (*pacén*), язг. *xasáyi poc* (*pacén*), мундж. *ɣasəy pūr* (*pūri*), ишк. *fri zas* (*zasén*) 'хороший сын (сыновья)'], ни по падежным формам (вах. *baf pətrəv-ərək*, сар. *čarj pycéf-ir*, мундж. *na ɣasəy pūraf* 'хорошим сыновьям'), ни по родам (шугн. *bašānd puc*, мундж. *ɣasəy pūr* 'хороший сын' — шугн. *bašānd riziŋ*, мундж. *ɣasəy lúɖdā* 'хорошая дочь'), за исключением нескольких слов в языках шугнано-рушанской группы (см. ниже).

Общим для всех памирских языков является также образование сравнительной степени от качественных прилагательных прибавлени-

ем суффиксов: вах. *-tār*, шугн., руш. *-di* (барт. *-dōr*. сар. *-dér*), язг. *-dūr*, ишк. *-tār*, мундж. *-dār* < **-tara*, например: вах. *vərtār*, шугн. *vō/ūʔzdi*, язг. *vəzdūr*, ишк. *vəʒdūktar*, мундж. *vaŋgdər* 'длиннее'.

Расхождения между языками в области прилагательного наблюдаются в следующем. В языках шугнано-рушанской группы (кроме сарыкольского) часть прилагательных изменяется по родам: руш. *rāšt* (ж. р.) *cil* 'красный платок' — *rōšt* (м. р.) *wāw* 'красная шерсть'. В мунджанском языке, где тоже имеется категория рода, родовое различие в прилагательных наблюдается только в случае употребления прилагательного в функции именного сказуемого: *wā pūr ʔašəu* 'этот сын — хороший', *wā lūʔdā ʔaškā* 'эта дочь — хорошая'. В язгулемском языке прилагательное-определение имеет показатель атрибутивности *-i*: *rūšt-i cil* 'красный платок'. Сарыкольское прилагательное-определение при имени, снабженном препозитивным служебным элементом, отделяется им от имени: *carj a-pūc* 'хорошего сына', *ləw ar ʔor* 'в большом городе'.

Числительные

§ 1. Количественные числительные до десяти являются общими для всех памирских языков. Фонетические различия, наблюдающиеся в них, исторически закономерны.

Числительные после десяти в язгулемском, ишкашимском и обычно в языках шугнано-рушанской группы — таджикские (в сарыкольском языке, начиная с пятидесяти — уйгурские), а в ваханском, мунд-

Шугн.	Язг.	Ишк.	Вах.	Мундж.	Перевод	Ав.
yī(w)	wū(ɟ)	ā/uk/g	yī(w)	yū	'один'	aēva-
du	do(w)	də(w)	bu(y)	lu	'два'	dva-
aray	cāy	rā(y)	tru(y)	ʔiray	'три'	ɖray
cavōr	čer	cəfur	cəbūr	čifūr	'четыре'	čadwār-
pīnz	penʃ	pānʒ	pānʒ	pānʃʃ	'пять'	panča
xōʔ	ʔu(w)	xūʔʔ	šāḍ	ōxša	'шесть'	xšvaš
(w)ūvd	uvd	uvd	yb	ōvda	'семь'	hapta
waxt	uxt	ot	at	ōškya	'восемь'	ašta
nōw	nu(w)	naw	naw	nāw	'девять'	nava
ḍīs	ḍās	da	das	los	'десять'	dasa

жанском, остаточны в некоторых диалектах шугнано-рушанской группы и в меньшей степени в язгулемском (наряду с таджикскими) — свои собственные, причем до двадцати их тип образования в этих языках одинаков: вах. *ḍās-(at)* *yīw*, мундж. *los-yū*, руш. *ḍōs-at* *yīw*, язг. *ḍās-a wūg* — 11. Начиная с двадцати в ваханском, мунджанском и язгулемском языках употребляется двадцатиричная система счисления (вах. *bīst-ət* *yīw*, мундж. *wisto-yū*, язг. *wāst-a wūg* — 21; вах. *bū bist-ə(t)* *ḍas-ə(t)* *pānʒ*, мундж. *lu wisto los-pānʃʃ*, язг. *do(w) wāst-a ḍās-a penʃ* — 55), а в некоторых диалектах шугнано-рушанской группы — более древняя, десятиричная система (руш. *ḍaw ḍōs-at* *yīw* — 21, *pīnʒ ḍos-at* *pīnʒ* — 55).

В качестве порядковых в язгулемском и ишкашимском языках используются таджикские числительные, а в остальных языках — обычно свои, образованные от количественных числительных различным вокализованным суффиксом *-m*: руш. *-cavūrum*, вах. *cəbūrəm* 'четвертый'. В некоторых диалектах ваханского количественные числительные образуются суффиксом *-ung*: *cəbūrung* 'четвертый'.

§ 1. Система личных местоимений по языкам различна, хотя отдельные местоимения имеют общее происхождение. В каждом из языков различаются два числа и два лица. В качестве местоимений 3-го лица употребляются указательные местоимения (субстантивные), за исключением язгулемского языка, где произошел почти полный переход указательных местоимений в личные.

Количество местоименных падежных форм в разных языках различно. Наиболее богат местоименными формами ишкашимский язык. В этом языке в каждом лице единственного и множественного числа имеются по три местоименные формы (прямая, объектная, посессивная). Ваханский язык имеет четыре падежные формы для 1-го лица ед. ч. (прямая, две объектные и посессивная), три формы для 2-го лица ед. ч. (прямая, объектная, посессивная) и по две формы для 1-го и 2-го лица мн. ч. В язгулемском языке в единственном числе в каждом лице различается по три формы (прямая, объектная и посессивная), а во множественном — по одной.

Что касается языков шугнано-рушанской группы и мунджанского, но в них в каждом лице единственного и множественного числа (за исключением 1-го л. ед. ч.) представлено по одной форме, а в 1-м лице единственного числа — две.

Язгулемская трехпадежная система личных местоимений имеет тенденцию к переходу на двухпадежную за счет посессивных форм. Это выражается, во-первых, в более узком сравнительно с ваханским и ишкашимским языками круге употребления посессивных форм и, во-вторых, в возможности употребления вместо них местоимений косвенно-объектной формы. Что касается системы личных местоимений ваханского и ишкашимского языков, то обе эти системы типологически очень близки, хотя имеют и небольшие различия (например, в ишкашимском объектная форма местоимений употребляется только после предлогов и изафета, а в ваханском — еще и при некоторых послелогох; в ишкашимском посессивная форма местоимений употребляется при любом послелого, а в ваханском — в основном при именных). Приводим парадигму личных местоимений по языкам (см. табл. 1).

Исторически местоимения прямой падежной формы (вах. *wiz* 'ишк. *azi*, шугн. *wiz*, р. *az*, барт. *āz*, сар. *waz*, язг. *az*) закономерно соответствуют авестийской местоименной форме 1-го лица единственного числа именительного падежа *azāt* 'я'.

В основе косвенных форм местоимений 1-го лица единственного числа лежит элемент *ta-*. Ишкашимская посессивная форма *tān*, ваханская объектная *ta-* и язгулемская объектная форма *to/ūn* продолжают древнеиранскую форму местоимения 1-го лица единственного числа родительного падежа *tanā*. С этой формой, возможно, связано и язгулемское местоимение *nī* 'мой' (<**tanāu*-<**tanāka*; ср. хот.-сакс. притяжательные местоимения 1-го лица ед. числа *mānai*, *tāmānai*, *tāmākā*).

Ишкашимская объектная форма *tak* и ваханская объектная *taž*, по-видимому, продолжают древнеиранскую форму 1-го лица единственного числа винительного падежа *tāt* с различным для каждого из этих языков суффиксальным наращением. Ишкашимская форма *tak*, возможно, получилась из **tātak* или **tātka* (ср. согд. *c'm'k*, *c'm'kh* 'от меня', что полностью соответствует ишк. *сb tak* 'от меня'), а ваханская форма *taž* — из **tātag* или **tātga*.

Производная от ваханской формы *taž* посессивная форма *žə/ы*

Число	Лицо	Форма	Шугн.	Мундж.	Язг.	Ишк.	Вах.	Перевод
Единственное	1-е	пр.	<i>wuz</i>	<i>zā/ə</i>	<i>az</i>	<i>az(i)</i>	<i>wuz</i>	‘я’
		объект.	<i>tu</i>	<i>mən</i>	<i>mūn, mo-</i>	<i>mak</i>	<i>maž</i>	‘меня’
		посес.					<i>ma-</i>	‘мне’ и др.
	2-е	пр.	<i>tu</i>	<i>tu</i>	<i>tow</i>	<i>tə</i>	<i>tu</i>	‘ты’
		объект.	<i>tu</i>	<i>tā/ə</i>	<i>tu</i>	<i>(tə)fak</i>	<i>taw, ta-</i>	‘тебя’, ‘тебе’
		посес.			<i>ti</i>	<i>ti</i>	<i>ti</i>	‘твой’
Множественное	1-е	пр.	<i>māš</i>	<i>mōx</i>	<i>mox</i>	<i>məx(o)</i>	<i>sak</i>	‘мы’
		объект.				<i>məčəv(o)</i>		‘нас’, ‘нам’
		посес.				<i>məš</i>	<i>səpo</i>	‘наш’
	2-е	пр.	<i>tama</i>	<i>mōf</i>	<i>tətox</i>	<i>təməx</i>	<i>səyiš(t)</i>	‘вы’
		объект.				<i>təməxəv</i>		‘вас’, ‘вам’
		посес.		<i>a-mōf</i>	<i>tətox-i</i>	<i>təməx</i>	<i>sav</i>	‘ваш’

‘мой’ (при субстантивном употреблении *žəp-*, ср. *žəp-ən* ‘мое’, ‘у меня’) могла развиваться из **mažān(i)* (> **məžəp* > *žə*). т. е. из сочетания местоимения *maž* с элементом, указывающим на притяжательность (ср. хот.-сакс. элемент *-nai* в притяжательных местоимениях 1-го лица ед. числа *tatānai*, *mānai*).

Но ваханскую форму *maž* можно было бы считать и заимствованной из индоарийских языков; ср; соответствующие местоимения в хинди *mi*, *tu*, в маратхи *maž*.

Прямая падежная форма местоимений 2-го лица единственного числа всех памирских языков (вах. *tu* ишк. *tə* шугн., руш., хуф. *tu*, барт. *tū*, сар. *təw*, язг. *tow*) закономерно соответствует авестийской форме местоимения 2-го лица единственного числа именительного падежа *tvəm*, *tūm* (др.-инд. *tuvm*).

Объектная форма местоимений вах. *taw*, *ta-*, ишк. *tə*-, язг. *tu-*, а также косвенная форма местоимений в языках шугнано-рушанской группы руш., хуф., барт. *tā*, хуф. *taw*, сар. *ty*, *ta* также закономерно соответствуют авестийской форме местоимения 2-го лица единственного числа родительного падежа *tava*.

Посессивная форма местоимений вах. *tī*, ишк. *tī* и язг. *ti*, возможно, продолжает авестийское энклитическое местоимение 2-го лица единственного числа родительного падежа *tōi*, *tē*.

Что касается ишкашимского местоимения объектной формы *fak*, то оно, очевидно, по аналогии с ишкашимским местоимением объектной формы 1-го лица единственного числа *tak* продолжает авестийское местоимение 2-го лица единственного числа винительного падежа *θwāt* (др.-инд. *tvām*). Соответствие древнеиранской группы *θw* ишкашимскому *f* закономерно; ср., например, ав. *čaθwārō* > ишк. *čyfur* 'четыре'. Конечный смычный *-k* является суффиксальным наращением (ср. ишк. *ū/uk* 'один'). Но не исключен и другой путь развития ишк. *fak*, а именно: **t(ə)fak* < **tāvak* (ср. ав. форму 2-го лица единственного числа родительного падежа *tava*).

Местоимения 1-го лица множественного числа прямой падежной формы ишк. *myx*, язг. *tox* и шугн.-руш. *māš* закономерно соответствуют авестийской форме личного местоимения множественного числа родительного падежа *ahmākam*. Что касается соответствующего ваханского местоимения *sak*, то оно, вероятно как и соответствующие местоимения в ряде индоарийских языков, продолжает древнеиндийскую форму личного местоимения множественного числа родительного падежа *asmākam*.

Индоарийский тип представлен и в ваханском посессивном местоимении *s(ə)po* 'наш' (ср. ховарское *ispa* 'мы, наш'). Это местоимение также продолжает древнеиндийскую форму родительного падежа множественного числа, но неосложненную суффиксальным элементом *-k*, т. е. *asma-*, засвидетельствованную в буддийском санскрите. Что же касается несколько своеобразного фонетического развития древнеиндийского сочетания *-sm-*, то оно отмечено также и для сингалезского языка, где оно дало *-p-*, а также для языка орья, где оно дало *-mbh-*. Таким образом, местоименные формы 1-го лица множественного числа *sak* 'мы', 'нас' и *s(ə)po* 'наш' выделяют ваханский из всех памирских языков. Здесь налицо влияние индоарийских языков.

Из местоимений 1-го лица множественного числа нерассмотренными остались две ишкашимские формы: объектная *myšv* и посессивная *my/iš*. Основу этих форм составляет элемент *my-*, *mi-*, закономерно продолжающий древнеиранскую основу для косвенных форм местоимений 1-го лица множественного числа **ahmā-*. Конечный неударенный слог *-v* в местоимении *myšv* является именным показателем косвенной падежной формы, не употребляющимся теперь при именах (ср. вах. *dəd-əv* от *dəd* 'дочь'). Его согласный элемент исторически соответствует именной флексии дательного падежа множественного числа *-byā*, а предшествующий ему гласный продолжает гласный основы *-a*. Аффриката *-č-* появилась из *-k-* в положении между гласными передне-смешанного ряда *y* (ср. ишк. *pyčīn* 'пуля' < **pakān* < **patkān*). Форма же **myk-* имеет, очевидно, то же происхождение, что и ишк. *myx* 'мы' (см. выше).

В основе ишкашимской посессивной формы *my/iš*, как уже было сказано выше, лежит древнеиранская основа *ahmā-*. В конечном шипящем *-š* можно было бы видеть либо древнеиранское окончание множественного числа родительного падежа для указательных местоимений (ср. ав. *avaēšam* 'тех'), либо древнеиранскую именную флексию множественного числа местного падежа *-(i)šu* (ср. ав. *aspaēšu*).

Общей характерной особенностью местоименных форм 2-го лица множественного числа является образование их от корневого элемента единственного числа *ta-* (в ваханском, возможно, **tu-*). Как известно, в древнеиранских языках этот элемент как компонент местоименных форм 2-го лица множественного числа не засвидетельствован. Но он широко представлен в этих формах в среднеиндийских языках (ср. форму родительного падежа множественного числа в северо-западном пракрыте

tusmakam) и в новоиндийских (ср. хинди, урду *tum*, раджастхани *tam*, пахари *tusse*). Аналогичная форма засвидетельствована и в санскрите для родительного падежа *tuṣme*. Основообразующий элемент для местоименных форм 2-го лица множественного числа так же, как и для ваханских местоименных форм 1-го лица множественного числа, восходит к древнеиндийскому *-sma*. Причем в ваханских формах он представлен в виде *-sa-*, а в остальных памирских языках — в виде *-ma-*.

Конечный согласный местоименных форм 2-го лица множественного числа шугн.-руш. *tamā(š)*, язг. *tətox*, ишк. *тьмъх* указывает на происхождение их от формы родительного падежа (по аналогии с шугн.-руш. *māš*, язг. *tox*, ишк. *мъх* < ав. *ahmākam*). Таким образом, если бы мы попытались чисто гипотетически восстановить древнеиранскую праформу местоимений шугн.-руш. *tamā(š)*, язг. *tətox* и ишк. *тьмъх*, то она имела бы следующий вид **tahmākam*.

Что касается ишкашимской объектной формы *тьмъхъв*, то она, в отличие от прямой падежной формы *тьмъх* 'вы', имеет дополнительный суффиксальный элемент *-ъв*, который исторически продолжает именную флексию дательного падежа множественного числа ав. *-byā/ō*.

То же самое можно сказать и относительно язгулемской поссесивной формы *tətoxi* 'ваш'. Суффиксальный элемент *-i* — это общий для язгулемского показатель определения по принадлежности (ср. *ded-i kūd* 'дом отца', *cəldūr-i vred* 'младший брат').

Конечный согласный местоименных форм 2-го лица множественного числа вах. *sav* и мундж. *mōf* отражает именную флексию дательного падежа множественного числа. Таким образом, на индоиранской почве эти местоимения имели бы вид **tasmābyā*. Элемент *-(y)iš(t)* в ваханской форме *sāyiš(t)* 'вы', в которой основа *sa-* также образовалась из **asma-*, представляет собой показатель множественного числа прямой падежной формы, широко употребляющийся в языке.

§ 2. Указательные местоимения во всех памирских языках делятся на три ряда (два ряда местоимений в язгулемском языке — явление сравнительно позднее) в зависимости от степени удаленности указываемого объекта: дальний (характеризуется элементом *-w/-v-*, ср. ав. *hauv*, *ava-*), средний (характеризуется элементом *-t/d*, ср. ав. *aēta-*, *idā*) и ближний (характеризуется элементом *-m-*, ср. ав. *iyaṃ*, *aēm*, *ima-*). Различно вокализованные и различно преобразованные в каждом из языков в зависимости от числа, падежной формы, рода (для тех языков, где эта категория имеется) и субстантивного или адъективного их употребления, эти элементы создают особую для каждого из языков систему указательных местоимений.

Почти во всех памирских языках имеется различие между субстантивными и адъективными указательными местоимениями (за исключением некоторых диалектов шугнано-рушанской группы). В большинстве языков адъективные указательные местоимения — это неизменяемые формы, совпадающие внешне с формами единственного числа субстантивных местоимений (вах. *ya*, сар. *уу*, *wi*, мундж. *wā/ə*, язг. *уи*, ишк. *a(w)*, *wa* — для дальнего ряда; вах. *уət*, сар. *yad*, *di*, мундж. *yā/ə*, язг. *ди*, ишк. *ad*, *da* — для среднего ряда; вах. *уət*, сар. *yam*, *mi*, мундж. *ma/ə*, ишк. *am*, *ma* — для ближнего ряда). В ишкашимском и сарыкольском языках для адъективных местоимений различаются две падежные формы: прямая (ишк. *am*, *ad*, *aṃ*; сар. *уу*) и косвенная (ишк. *ma*, *da*, *wa*; сар. *wi*, *di*, *mi*).

Указательные местоимения в языках шугнано-рушанской группы, ваханские, язгулемские и мунджанские субстантивные указательные

местоимения имеют две падежные формы (прямую и косвенную), различающиеся в языках шугнано-рушанской группы и в мунджанском языке как в единственном [шугн. *yi—wi* (м. р.), *yā—wam* (ж. р.), м. *wā/ə—wan* (м. р.), *win* (ж. р.)], так и во множественном числе (шугн. *wāḍ—wev*, мундж. *wau—waf*), в ваханском языке — только во множественном числе (пр. ф. ед. ч. *ya/ow*, пр. ф. мн. ч. *ya(w)išt* — косв. ф. *yav*), а в язгулемском, наоборот, — только в единственном числе [пр. ф. *и* — косв. ф. *wau* (м. р.), *im* (ж. р.)]. В ишкашимском языке субстантивные указательные местоимения имеют три падежные формы (прямую, объектную и посессивную), различающиеся как в единственном [*awī*, *wɛl*, (y)*i*], так и во множественном числе [*awōnd(on)*, *wānvo*, (y)*iv*].

В языках шугнано-рушанской группы (за исключением сарыкольского), в язгулемском и мунджанском языках местоимения в косвенной падежной форме единственного числа изменяются по родам: мужскому и женскому (шугн. *wi—wam*, язг. *wau—im*, мундж. *wan—win*). В шугнанском языке это различие поддерживается и в прямой форме единственного числа, но только для местоимений дальнего ряда (м. р. *yi* — ж. р. *yā*).

Таким образом, наиболее богата формами система указательных местоимений ишкашимского языка (два числа и три падежные формы для субстантивных местоимений и две падежные формы для адъективных местоимений, и все это для каждого из трех рядов местоимений). Наименее богата формами система указательных местоимений (точнее, личных 3-го лица) язгулемского языка, поскольку в ней утрачен ближний ряд местоимений. Правда, в язгулемском имеются еще два субстантивных указательных местоимения: *yuk* 'этот', *duk* 'тот'. Отсутствие категории рода в ваханском языке ставит его по количеству форм указательных местоимений на второе место после язгулемского.

§ 3. Возвратно-определятельное местоимение во всех памирских языках, кроме ишкашимского и мунджанского, представлено двумя падежными формами: прямой (шугн. *xūbaḍ*, вах. *ṣat*, язг. *xūd* 'сам') и косвенной (шугн. *xi*, вах. *ṣy*, язг. *xi* 'свой'). В ишкашимском языке различаются три падежные формы: прямая [*xā(d)ak*], объектная [*xə(f)sar*] и посессивная (*xi/e*). В мунджанском языке имеется одна форма *xəu*.

Генетическая общность форм возвратно-определятельного местоимения во всех памирских языках очевидна: все они восходят к древнеиранской основе *x^va-* 'свой', *x^vata-* 'сам'.

§ 4. Почти все вопросительные местоимения в памирских языках имеют общее происхождение. Местоимение 'кто' в шугнано-рушанской группе (за исключением бартангского и орошорского) и в ваханском языке представлено двумя падежными формами: шугн. *čāu—čī*, вах. *kūu—kī*. В остальных языках имеется только одна форма: ишк. *kūu*, язг. *kī*, мундж. *kəu*.

Функциональное распределение падежных форм вопросительного местоимения 'кто' в языках шугнано-рушанской группы и в ваханском языке не совпадает. Шугнанское *čāu* употребляется только в прямых синтаксических позициях (*čāu yaḍč?* 'кто приехал?'), а ваханское *kūu* — и при выражении объекта (*kūu wəzg?* 'кто приехал?'; *kūu q'w sarəm?* 'кого мне позвать?'). Шугнанское *čī* употребляется во всех косвенных позициях (*čī q'wum?* 'кого мне позвать?'; *yam čī čid?* 'это чей дом?'). Ваханское *kī* употребляется посессивно (*yəm kī xūn?* 'это чей дом?').

Местоимения 'что' (шугн. *čiz*, вах. *čiz/ciz*, ишк. *čiz*, язг. *čig*,

мундж. *cis*) и 'какой' (шугн. *čidūm*, вах. *kūm*, ишк. *kūdm*, язг. *ka-dim*) во всех языках представлены одной формой.

§ 5. Остальные местоимения, имеющиеся в памирских языках, представлены одной формой. Приведем в качестве примера обобщительное местоимение 'весь', 'все': шугн. *fūk(aθ)*, язг. *wūgaθ*, ишк. *jūk*, мундж. *rōwī*, вах. *ky(xt)* (редко *rəndg*; ср. *pak* 'каждый').

Глагол

§ 1. В глаголе имеется много общего для всех памирских языков, как в типологическом, так и в генетическом отношениях. Глаголу свойственны категории времени, наклонения (слабо выражена). Категория залога не характерна для памирских языков. Пассивность действия выражается описательно. Категории вида в памирских языках нет вообще. Для выражения некоторых видовых оттенков используются частицы.

Всем памирским языкам свойственны категории лица и числа, а языкам шугнано-рушанской группы и в меньшей степени мунджанскому языку, — и категория рода.

§ 2. Ядро глагольной системы всех памирских языков составляют две основы: основа настоящего времени и основа прошедшего времени. Внешним признаком основы прошедшего времени большинства глаголов сравнительно с основой настоящего времени являются конечные *-t* (в основном после глухих согласных) или *-d* (после звонких) <*-*ta*, реже — *-g* (<*-*rt*) в языках шугнано-рушанской группы и в язгулемском, *-n* (<*-*na*) — в ваханском и *-k* в мунджанском (в группе *-šk*, соответствующей шугнанской *-xt*): шугн. *wāf-*: *wīft*, язг. *waf-*: *wāft*, мундж. *wōf-*: *wēft*, ишк. *if-*: *ift*, вах. *yf-*: *oft* 'ткать', 'плести'; шугн. *ancāv-*: *ancūvd*, язг. *əncav-*: *əncūvd*, ишк. *andrv-*: *andrvd*, вах. *dərav-*: *dəravd*, мундж. *žīy-*: *žīy* 'шить'; шугн. *vār-*: *vūd* (ср. *vor-*: *vəwɔg*), язг. *var-*: *vəg*, мундж. *āvər-*: *āvər*, ишк. *ižym-*: *oʔad*, вах. *wyžym-*: *wozomd* 'приносить', шугн. *ris-*: *rēd*, шик. *fris-*: *frinol*, язг. *raxs-*: *raʔd*, вах. *wəṛəč-*: *wəṛəʔn* 'оставаться'.

Исторически производной от основы прошедшего времени является краткая причастная форма, которая в современных памирских языках уже почти не воспринимается как причастие (для причастия выработаны языками другие формы) и является по существу своего рода основой для образования ряда глагольных форм. Эту основу мы будем называть в дальнейшем перфектной.

Перфектная основа образуется у большинства глаголов в языках шугнано-рушанской группы заменой исходных *-t*, *-d*, *-g* соответствующими аффрикатами *č*, *ʃ*, в язгулемском языке — прибавлением суффикса *-a(g)*, в ишкашимском — *-u/ūk*, в ваханском — *-k* (после звонких — *g*), в мунджанском — *əy/əʔ* (<*-*ka*): шугн. *wīfč*, язг. *wāfta(g)*, м. *wēftəy*, ишк. *iftuk*, вах. *yfətk* 'сотканый', 'сплетенный'.

От этих трех основ, рассмотренных выше, образуются во всех памирских языках все личные глагольные формы.

§ 3. От основы настоящего времени образуется форма настоящего будущего времени прибавлением личных окончаний. Приводим парадигму спряжения глагола «ткать» по языкам. (см. стр. 274).

В большинстве личных окончаний достаточно хорошо видна их преемственность от древнеиранских личных окончаний. Язгулемское окончание 1-го лица единственного числа *-in* является либо инновацией, либо продолжает древнее окончание конъюнктива **-āni*. В ишкашимском и

Настояще-будущее время

Число	Лицо	Шугн.	Язг.	Вах.	Ишк.	Мундж.
Единствен- ное	1-е	<i>wāfum</i>	<i>wɔfin</i>	<i>ɣfəm</i>	<i>ifəm</i>	<i>wɔfəm</i>
	2-е	<i>wāfi</i>	<i>wafay</i>	<i>ɣf(i)</i>	<i>ifi</i>	<i>wɔfəy</i>
	3-е	<i>wɔft</i>	<i>waft</i>	<i>ɣft</i>	<i>ifu</i>	<i>wɔft wɔfəy</i>
Множест- венное	1-е	<i>wāfām</i> (барт., ор., сар. -an)	<i>wafəm</i>	<i>ɣfən</i>	<i>ifən</i>	<i>wɔfəm</i>
	2-е	<i>wāfēt</i> (руш., барт. -at t)	<i>wafit</i>	<i>ɣfəv ɣfit</i>	<i>ifəv</i>	<i>wɔfaf</i>
	3-е	<i>wafen</i>	<i>wafan</i>	<i>ɣfən</i>	<i>ifən</i>	<i>wɔfat</i>

частично мунджанском в 3-м лице единственного числа отпал смычный *-t*. Варьирование по языкам окончаний 2-го лица множественного числа (*-t*, *-v*) может быть объяснено различным преобразованием древнего медиального окончания **-dvaī* (в ваханском языке до сих пор существуют оба варианта) так же, как и окончания 3-го лица множественного числа *-n*, *-t < *(a)nti*).

Функционирование формы настоящего-будущего времени одинаково во всех памирских языках. Она выражает всякое непрошедшее действие. Настоящий момент совершения действия может подчеркиваться подвижной энклитической частицей: шугн. *-ta*, язг. *-t/da*, ишк. *-bs*, мундж. *-əstə* (< **√stā-* 'стоять'; ср. сочетания с глаголом *istodan* в тадж. языке), сар. *-ik*, вах. *-əʃ(k)||-ʃə(k)*. Будущее время может подчеркиваться энклитической частицей *-bi*, ишк. вах. *-əp||-pə*.

§ 4. От основы прошедшего времени при помощи сочетания с подвижными энклитическими показателями лица, присоединяющимися к любому (чаще — к первому) члену предложения, образуется форма прошедшего времени (претерит). В мунджанском языке в отличие от всех памирских языков в претерите (как и в других прошедших временах) употребляются личные окончания.

В языках шугнано-рушанской группы (кроме сарыкольского) некоторые глаголы (неправильные) различают род: шугн. м. р. *sut* — ж. р. (и мн. ч.) *sat* от глагола *sit(t)ow* 'уходить', 'отправляться'.

В ряде памирских языков (за исключением шугнанского, сарыкольского и ишкашимского) в претерите (как и в других прошедших временах) различается спряжение переходных и непереходных глаголов. Приводим парадигму спряжения того же глагола «ткать» по языкам в этой форме.

При наличии местоименного подлежащего при переходном глаголе в претерите (как и в других прошедших временах) оно ставится в косвенной падежной форме (а в ваханском языке — в объектной), при этом в рушанском (с его хуфским поддиалектом) и в язгулямском в этом случае глагол не спрягается, т. е. личные показатели отсутствуют (руш. *mi wəft*, язг. *mīn wəft* 'я ткал', 'плел'; руш. *tā wəft*, язг. *tu wəft* 'ты ткал' и т. д.), а в бартангском, наоборот, глагол спрягается (*mīn-um wəft* 'я ткал', *tū-t wəft* 'ты ткал' и т. д.). В ва-

Прошедшее время

Число	Лицо	Шугн.	Язг.	Вах.	Ишк.	Мундж.
Единственное	1-е	<i>wīft-um</i>	<i>waft-əm</i>	<i>ыft-əm</i>	<i>ift-əm</i>	<i>wēft-əm</i> (принепер. гл. - <i>am</i>)
	2-е	<i>wīft-at</i>	<i>waft-at</i>	<i>ыft-at</i>	<i>ift-at</i>	<i>wēft-at</i> (принепер. гл. - <i>a/əy</i>)
	3-е	<i>wīft-(i)</i>	<i>waft-ay</i>	<i>ыft-(i)</i>	<i>ift-(i)</i>	<i>wēft-(ə/ā)</i>
Множественное	1-е	<i>wīft-ām</i> (барт., ор., сар. - <i>an</i>)	<i>waft-an</i>	<i>ыft-ən</i>	<i>ift-on</i>	<i>wēft-am</i>
	2-е	<i>wīft-ət</i> (ост. - <i>af</i>)	<i>waft-af</i>	<i>ыft-əv</i>	<i>ift-əv</i>	<i>wēft-af</i>
	3-е	<i>wīft-ēn</i> (руш., барт. - <i>an</i> , ор., сар. - <i>af</i> ; при непер. гл. в барт. - <i>an</i>)	<i>waft-af</i> (при непер. гл. - <i>an</i>)	<i>ыft-əv</i>	<i>ift-on</i>	<i>wēft-at</i>

ханском же возможен и тот и другой тип, т. е.: *māž-(əm) ыft(əy)* 'я ткал', *taw-(ət) ыft(əy)* и т. д.

В рушанском и бартангском диалектах допускается и прямая конструкция фразы с прямым падежом подлежащего, причем переходный глагол спрягается, и к тому же по типу непереходного: руш. *az-um wēft*, барт. *āz-um wēft*; руш., барт. *wāḍ-an wēft* (см. парадигму).

Функционально форма претерита совпадает во всех языках. Она употребляется: а) для выражения действия, имевшего место в прошлом, независимо от его длительности и кратности: шугн. *wūz-um wīft*, язг. *mūn waft*, вах. *wūz-əm ыft(əy)*, ишк. *azī-m ift*, мундж. *mən wīftəm* 'я ткал'; б) для выражения будущего совершенного действия в придаточных предложениях: шугн. *wūz-um di wīft*, *vādrum*; язг. *mūn ki waft*, *vərin*; вах. *wūz-əm ki ыft(əy)*, *wūz(ы)məm*; ишк. *azī-m se ift*, *ižym* 'как только я сотку, так принесу'.

§ 5. От перфектной основы сочетанием ее с теми же самыми подвижными показателями лица и числа образуется форма перфекта: 1-е л. ед. ч. шугн. *wuz-um wīfč*, язг. -*əm wafta* (g), вах. *wūz-əm ыfətk*, ишк. *azī-m iftuk*, мундж. *wēftəy/ṛəm* 'я соткал'; 2-е л. ед. ч. шугн. *tu-(a)t wīfč*, язг. -*at wafta*(g), вах. *tu-t ыfətk*, ишк. *tə-t iftuk*, мундж. *wēftəy/ṛət* 'ты соткал' и т. д.

Значение формы перфекта в общем совпадает во всех языках. Обычно она употребляется для выражения результата прошлого действия, при передаче чужих слов или логического заключения о действии. В бартангском языке эта форма употребляется сверх того при выражении ирреального условия, а в шугнанском — при выражении желания.

Перфектная основа является составной частью и формы давно прошедшего времени. В большинстве языков шугнано-рушанской группы (шугн., руш., сар.) и в ваханском, где эта форма является синтетической, она образуется сочетанием перфектной основы, осложненной суффиксальным элементом -*at* (шугн., хуф.) -*it* (руш., сар.) в языках шугнано-рушанской группы и -*tyw* или -*tu* в ваханском языке,

с теми же подвижными показателями лица и числа. В ваханском языке при этом конечный смычный перфектной основы *-k* или *-g* выпадает. Приводим в качестве примера спряжение глагола «ткать» в шугнанском и в ваханском языках в первых двух лицах единственного числа: 1-е л. шугн. *wiz-um wifčat*, вах. *wiz-əm ɣfət(t)ɣw* (или *ɣfət(t)u*); 2-е л. шугн. *tu-(a)t wifčat*, вах. *tū-t ɣfət(t)ɣw* (или *ɣfət(t)u*) и т. д.

Несмотря на внешнее расхождение в образовании формы давнопрошедшего времени между шугнанским, рушанским, сарыкольским и ваханским языками, все же можно установить нечто общее в их происхождении. Несомненно, что шугнанский элемент *-at* и сарыкольский *-it* исторически представляют собой какое-то реликтовое глагольное образование. С фонетической точки зрения здесь возможны следующие предположения: 1) из **asta-*, т. е. из причастной формы от др.-ир. глагола *ah-* 'быть' (ср. модель формы давнопрошедшего времени в таджикском языке *bofta budam* 'я давно соткала'); 2) из **astī*, т. е. из формы 3 л. ед. ч. настоящего времени того же глагола *ah-* 'быть' (ср. таджикский перфект *boftastam* 'я соткала'); 3) из **ast*, т. е. из формы имперфекта 3 л. ед. ч. того же глагола. Однако с логической точки зрения более подходящим, очевидно, было бы первое толкование. В его пользу говорит и предполагаемый состав соответствующего ваханского элемента *-tɣw//tu*, который, как нам представляется, получился из **astav-*, что, в свою очередь, из **asta-vut-*, т. е. из сочетания причастия на **-ta-* от др.-ир. глагола *ah-* 'быть' и того же причастия от др.-ир. глагола *bav-* *bū* 'становиться, делаться' (ср. модель давнопрошедшего времени II в таджикских говорах *bofta buda budam* 'я давно соткала').

В бартангском, язгулемском, ишкашимском и мунджанском языках форма давнопрошедшего времени является аналитической: она образуется сочетанием перфектной основы (в язг. без конечного *-g*) с вспомогательным глаголом «быть» в форме прошедшего времени: 1-е л. ед. ч. барт. *mūn-un wēfč vud*, язг. *mūn wafta vad* (или *-əm wafta vad*), ишк. *azi-m iftuk vūd*, мундж. *mən wēftəy/ɣ-əm vōlā* 'я давно соткала'; 2-е л. ед. ч. барт. *tā-at wēfč vud*, язг. *tu wafta vad* (или *-at wafta vad*), ишк. *tə-t iftuk vūd*, мундж. *mən wēftəy/ɣ-ət vōlā* 'ты давно соткала' и т. д.

[.] В речи ваханцев старшего поколения наряду с синтетической формой типа *kartu//kərtɣw* 'сделал' можно слышать и ее аналитический вариант типа *niyəng tu(//tɣw)* 'сидел' (т. е. аналогично барт. *nōšč vud*, язг. *pəyūsta vad*, ишк. *nyūstūk vūd* 'сидел').

§ 6. Помимо перечисленных выше четырех общих для всех памирских языков глагольных форм, в ваханском, ишкашимском, язгулемском, а из языков шугнано-рушанской группы — сарыкольском имеются еще две — уже сложные — глагольные формы: прошедшее предположительное время и преждепрошедший перфект. Принцип образования этих форм и их употребление почти полностью совпадают в этих языках.

Форма прошедшего предположительного времени образуется сочетанием перфектной основы (исторически причастие) со вспомогательным глаголом в форме настояще-будущего времени: ишк. *vup: vūd*, сар. *vəw:vūd*, вах. *ɣm(ɣy):tu* 'быть', язг. *m:-mad* 'становиться'. Следует заметить, что в язгулемском языке в отличие от перечисленных выше языков вспомогательный глагол стоит всегда в форме 3-го лица единственного числа (*mit*), а лицо и число выражается теми же подвижными энклитическими показателями, которые употребляются и в прошедших временах (с учетом различия в спряжении

переходных и непереходных глаголов). Думается, что это обстоятельство указывает на процесс исчезновения этой глагольной формы в язгулемском языке, чему в немалой степени способствует также и то, что значения, присущие ей, могут передаваться в язгулемском и формами изъявительного наклонения.

Приводим в качестве примера спряжение глагола «ткать» в 1-м и 3-м лице единственного числа для каждого из этих языков в форме прошедшего предположительного времени: 1-е л. ишк. *iftuk vūnʔm*, сар. *wifč vəwam*, вах. *ɣfətk ɣm(ɣ)uəm*, язг., -əт *wafta(g) mit* (вместо ожидаемого *wafta(g) min*) 'чтобы я соткала'; 3-е л. ишк. *iftuk vūni*, сар. *wifč vid*, вах. *ɣfətk ɣmyt*, язг. *wafta(g)mit* 'она, должно быть, соткала' и т. д.

Форма преждепрошедшего перфекта образуется сочетанием перфектной основы (в язгулемском без конечного смычного -g) с вспомогательным глаголом: сар. *vəw:vəd*, язг. *v-vad*, ишк. *vun:vəd*, вах. *ɣmyu:tu* 'быть' в форме перфекта: 3-е л. ед. ч. сар. *wifč vədʃ*, язг. -ау *wafta vəda*, ишк. *iftuk vədʔk*, вах. *ɣfətk tywətk* 'она, оказывается, уже соткала'.

§ 7. Из частиц отрицания, употребляющихся при глаголе, во всех памирских языках, кроме мунджанского, представлена частица *na*. Употребление ее в разных языках различно. В язгулемском языке частица *na* употребляется при всех глагольных формах, в ишкашимском — за исключением формы прошедшего времени (претерита), где употребляется частица *nəst* (*nəst-əm ift* 'не соткала'). В языках шугнано-рушанской группы и в ваханском частица *na* (вах. вариант *nə*) употребляется только при глагольных формах изъявительного наклонения (шугн. *na wāfʊm*, вах. *nə ɣfət* 'не буду ткать'; шугн. *na wifč*, вах. *nəwɣətk* 'не соткала' и т. д.), в остальных случаях употребляется модальная частица отрицания *mā* (шугн.), *mə* (сар.), *mə* (вах.) < **mā*: шугн. *mā wāf!*, вах. *mə ɣf!* 'не тки!'; шугн. *mā wāf-um*, вах. *mə ɣfət* 'пусть я не сотку'; шугн. *mā wifč*, вах. *mə ɣfətk* 'лучше бы я не соткала!'.

В мунджанском языке представлена одна частица *čə/i* (< **mā-ča?*): *čə wəfət* 'не (со)тку', *čə wəftət* 'не ткал(а)' и т. д.

§ 8. Что касается категории наклонения, то помимо рассмотренных выше форм изъявительного наклонения (за исключением формы прошедшего предположительного времени) во всех памирских языках выделяется форма повелительного наклонения, а в тех языках, где имеется противопоставление приглагольного отрицания (шугн. *na—mā*, вах. *nə—mə*), — еще и сослагательное наклонение (термин чисто условный, поскольку круг значений форм этого наклонения шире, чем, например, в русском сослагательном наклонении).

Повелительное наклонение во всех памирских языках, кроме мунджанского и некоторых диалектов шугнано-рушанской группы, грамматически выделяется только для 2-го лица единственного числа, где форма равна основе настоящего времени, без личного окончания: шугн. *wāf!* (2-е л. н.-б. вр. *wāfi*), язг. *waf!* (2-е л. н.-б. вр. *wafay*), ишк. *if!* (2-е л. н.-б. вр. *ifi*) 'тки!'.

В сарыкольском и некоторых говорах ваханского языка, где во 2-м лице единственного числа в форме настояще-будущего времени отсутствует личное окончание, т. е. где морфологически форма повелительного наклонения не выделяется, различие в формах этих наклонений наблюдается только при отрицании, причем зависит от места частицы отрицания: сар. *na wof*, вах. *nə ɣf* 'не (со)ткешь' — сар. *mə wof*, вах. *mə ɣf* 'не тки!' — сар. *mə ... wof||*

wof mo, вах. *mā* ... *ɣf//ɣf māu* 'как бы ты не соткала'. Так же различаются форма повелительного наклонения и форма настояще-будущего времени для этих двух языков и во 2-м лице множественного числа.

В мунджанском языке повелительное наклонение имеет особые окончания: 2-е л. ед. ч. *wōf(-a)!* (2-е л. ед. ч. н.-б. вр. *wōfəu*) '(со)тки!' ('ткешь'), 2-е л. мн. ч. *wōfi* (2-е л. мн. ч. н.-б. вр. *wōfaf*) '(со)тите!' ('соткете').

Признаком форм сослагательного наклонения служит только приглагольное отрицание (в положительных формах различия нет): шугн. частица *mā* (сар. *mo*), вах. *mā* указывает на модальность действия, а частица шугн. *na*, вах. *nə* — на изъявительный характер действия: шугн. *na wāfɪt*, вах. *nə ɣfət* 'не (со)тку' — шугн. *mā wāfɪt*, вах. *mā ɣfət* 'не соткала бы я', 'чтобы я не соткала', 'пусть я не сотку'; или: шугн. *na wɪfč*, вах. *nə ɣfətɬ* '(оказывается) не соткала' — шугн. *mā wɪfč*, вах. *mā ɣfətɬ* '(лучше бы) я не (со)ткала'; или: шугн. *na wɪfčət*, вах. *nə ɣfəttɪ* 'не ткала' — шугн. *mā(//ia) wɪfčət*, вах. *mā(//nə)ɣfəttu* 'чуть было не соткала'.

В систему сослагательного наклонения входит также форма прошедшего предположительного времени для тех языков, где она имеется (см. выше). Поскольку эта форма имеет особое образование, то при ней может употребляться и частица отрицания *na* (в сар. и язг. языках) и частица *mā* (в вах. языке наряду, однако, с *nə*).

§ 9. Инфинитив (полная форма) образуется по-разному в разных языках. В шугнано-рушанской группе и в мунджанском языке — от основы прошедшего времени, восходящей к образованиям на <*-*ta* (иногда с изменением корневого гласного), суффиксом шугн. *-ōw*, мундж. *-ā(n)*: шугн. *wɪftōw*, мундж. *wɪftā(n)* 'ткать'. В остальных памирских языках инфинитив образуется от основы настоящего времени: в язгулемском — присоединением суффикса *-aj* (*wafaj* 'плести', 'ткать'), в ишкашимском — суффикса *-u/ũk* (*ɪfuk* 'ткать'), в ваханском для большинства глаголов — суффикса *-ak* (в восточном говоре *-yk*), реже *-n* или *-g* (*ɣfak//ɣfn* 'ткать', *kətəun* 'желать', 'хотеть', *dɪŋg* 'бить'). Остаточно сохраняется в ваханском образование от прошедшей основы присоединением суффиксов — *-ōw* (*r/ləd/ḡōw* 'давать', *-ōr* (*šitōr* 'убивать' от *šāy:šit*) и *-n* (*pɪtn* 'пить' от *pɪw:pɪt*, (*y)ɪtn* 'есть' от *yāw*: (*y)it*).

Во всех памирских языках инфинитив является одновременно и именем действия.

§ 10. Из причастий в языках различаются причастия настоящего времени (перешедшие в некоторых языках в разряд имен деятеля) и причастия прошедшего времени.

Причастия настоящего времени по типу образования можно разделить на две группы: 1) причастия, образующиеся от основы настоящего времени, и 2) причастия, образующиеся от основы (или краткой формы) инфинитива. К первой группе причастий настоящего времени относятся: а) шугнанское причастие на *-ij*, рушанские на *-oč//āj/č* (м. р.) <*-*aka* и *-ēc/z* (ж. р.) <*-*ačī*, бартагское причастие на *-ōč* (м. р.), *-ēc* (ж. р.), язгулемские причастия на *-ek*, *-ag*, ваханское на *-ūj* (редко) <*-*ākā*: шугн. *wāfij*, руш. *wafūj*, барт. *wafōč*, язг. *wafek* 'ткач'; руш. *yiboč*, шугн. *wəbɪj*, язг. *wibek* 'бык-молотильщик на току'; руш. *ɖizēz* 'доярка'; язг. *pəxsag* 'желающий спать'; вах. *kasuj* 'бык, находящийся с краю в упряжи на току'; б) шугнанское причастие на *-in* (ж. р. *-ān*), рушанское на *-on* (ж. р. *-ān*), бартагское на *-ɖn* (ж. р. *-ān*) <*-*ana* (ж. р. **-ānā*), язгулемское

на *-on* < **-āna*: шугн. *waṣin* (ж. р. *waṣān*), язг. *waṣon* 'крикун(ья)'; руш. *nawon* (ж. р. *nawōi*), барт. *nawōn* (ж. р. *nawān*) 'плакса'.

К причастиям настоящего времени (или именам деятеля), образующимся от основы инфинитива, относятся: а) сарыкольское причастие на *-(i)čuz*, ишкашимское причастие на *-kьz*, ваханское причастие на *-kūzg* и остаточно сохранившееся шугнанское причастие на *-čōz* < **-kāzg* (ср. согд. причастие на *-cyk*): сар. *ḍawdičuz*, ишк. *dešukьz* (из *dešuk-kьz*), вах. *ḍicakьzg* (из *ḍicak-kьzg*)/*ḍicnкьzg* 'доярка'; сар. *wazondičuz*, шугн. *wizēnčōz* (из **wizēntičōz*, ср. основы глагола *wizūn*: *wizēnt* 'знать') 'знаток'; сар. *wiftičuz*, ишк. *ifukьz*, вах. *ɣfa-кьzg/ɣfnкьzg* 'ткач'; б) шугнанское причастие на *-mēj*, рушанское на *-mīj*, сарыкольское на *-mauj*, ваханское на *-mīj* < **-maɣaka* (ср. ав. *maɣa-* 'мерить'); руш. *-manīj* < **mainɣaka-* (ср. ав. *mainɣa-*, *man-* 'думать'); шугн. *tidmēj*, руш. *taumīj* (из *taudmīj*), *taumanīj*, сар. *tidmauj*, вах. *tuk(n)mīj* 'намеревающийся идти'.

Причастие прошедшего времени во всех памирских языках образуется от перфектной основы (исторически-вторичное причастие) присоединением суффикса шугн., руш. *-in*, барт. *-in, ka*; сар. *-enj*, язг. *-in*, вах. *-in/-ɣng* — < **-ara(ka)*. Примеры: шугн. *wfčīn*, руш. *wefčīn*, барт. *wefčīn*, сар. *wifčēnj*, язг. *wəftagin*, ишк. *iftuki*, вах. *ɣfətkīn/ɣfətkɣng* 'сотканный, сотказший'.

Круг употребления собственно причастий совпадает во всех языках.

В некоторых языках сохраняется деепричастная форма: вах. *na-wazdōj/g* 'не умывшись', руш., ор. *naɣarāj* 'не поевши', язг. *ɣazarm* 'бегом', ор. *zuluqurm(?)* 'торчком', шугн. *'sir-wūrm* 'выбирая'.

Служебные слова

§ 1. В отношении предлогов наиболее богат ваханский язык. Он включает все предлоги шугнано-рушанской группы языков [шугн. *pi, ar, tar, pis, as, par*, сар., шугн. *či*], все ишкашимские [*рь* (шугн. *pi*), *tar* (шугн. *tar*), *сь* (шугн. *as*), *кь* (сар. *či*), *рьs* (шугн. *pis*)], кроме предлога *far* (указывает на предел), все мунджанские [*də, sək* (ишк. *кь*, сар. *či*), *pə* (шугн. *pi*, ишк. *рь*), *žə* (шугн. *as*, ишк. *сə*)], кроме предлога *nə* (указывает на исход), соответствующий язгулемскому *na*.

Что касается язгулемских предлогов, то частично они сближаются с мунджанским [язг. *na* — мундж. *nə*; язг. *ən, dər* — мундж. *tro* < *ав. *antarə* (соответствующий шугнанский послелог *-andir*)], а частично с языками шугнано-рушанской группы (язг. *pəša* — шугн. *pis*, язг. *ma* — сар. *ta* (ср. лексикализированный шугн. *mi*, например: *mi-nūl* 'в клюве'). Особенностью язгулемского языка является наличие предлога *i*.

В сарыкольском, в отличие от всех памирских языков, место предлога подвижно: при имени (или именном сочетании), имеющем при себе определенный артикль, предлог помещается перед артиклем (*ar mi qydyɣ* 'в этом колодце'), при именном сочетании без артикля — непосредственно перед именем, к которому относится (*karc ar qydyɣ* 'в глубоком колодце').

Основные послелогии (неименные) имеют следующие соответствия в памирских языках: а) шугн. *-ard* (варианты по диалектам *-rad, -ari-ri*), язг. *-ra* вах. *-rə(k)*; б) шугн. *-and* (диалектные варианты *-an, -a*), вах. *-ən*, ишк. *-no*; в) ишк. *-bo*, язг. *-be*; г) хуф. *-ōw*, сюда, воз-

можно, и язг. *-me* (чередование *m//w* наблюдается в памирских языках, ср. вах. *m/wingas* 'воробей').

§ 2. Хорошо прослеживаются по языкам и соответствия союзов. Основные из них: а) шугн. *(-)at(ā)*, язг. *(-)ata*, вах. *-ət*, ишк. *-bt* 'и'; б) шугн. *xu/o*, вах. *xy*, ишк. *xo* 'и'; в) сар. *ki*, вах. *ki*, язг. *ki*, мундж. *kə/e* — подчинительный союз с широким кругом употребления; г) шугн. *ca*, вах. *cə*, ишк. *ce*, язг. *čə* — подчинительный, в основном в определенных предложениях; д) шугн. *didi* (барт. *di*), возможно, сюда же ишк. *ʒ/za* — подчинительный, соответствующий по употреблению союзу *ki* остальных памирских языков.

* * *

Как явствует из изложенного, даже фрагментарное сравнение памирских языков обнаруживает довольно сложную картину. Наибольшим своеобразием отличается ваханский язык. Это проявляется и в том, что ваханский чаще, чем другие памирские языки, отражает более древнее языковое состояние, и в том, что ваханский имеет ряд общих черт с индоарийскими языками, и, наконец, в своеобразном развитии ряда явлений, не связанных ни с его архаическими чертами, ни с индоарийским влиянием. Шугнано-рушанская языковая группа, имеющая ряд параллелей с ваханским языком, в то же время отличается от него рядом весьма существенных черт. Язгулемский примыкает к языкам шугнано-рушанской группы, а ишкашимский, тяготея к ваханскому, в то же время имеет ряд особенностей, сближающих его с язгулемским и в какой-то степени с мунджанским. Что же касается мунджанского языка, то он, по-видимому, примыкая к языкам шугнано-рушанской группы, язгулемскому и ишкашимскому, имеет ряд черт, сближающих его с пушту.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев М. С., Язгулемский язык. Таблица глаголов, Л., 1930.
2. Додыхудоев Р. Х., Материалы по исторической фонетике шугнанского языка, Душанбе, 1962.
3. Залеман К. Г., Шугнанский словарь Д. Л. Иванова, — «Восточные заметки». Сборник факультета восточных языков, СПб., 1895.
4. Зарубин И. И., Обувь горных таджиков долины Бартанга, Пг., 1915.
5. Зарубин И. И., Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга, Пг., 1917.
6. Зарубин И. И., К списку памирских языков, — «Доклады Российской Академии наук», серия В, 1924.
7. Зарубин И. И., Два образца припамирской народной поэзии, — «Доклады Российской Академии наук», серия В, 1924.
8. Зарубин И. И., К характеристике мунджанского языка, — Сб. «Иран», т. I, Л., 1927.
9. Зарубин И. И., Одна орошорская сказка, — «Восточные записки», т. I, Л., 1927.
10. Зарубин И. И., Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги, — «Сборник в честь В. В. Бартольда», Ташкент, 1927.
11. Зарубин И. И., Орошорские тексты и словарь. Памирская экспедиция 1928 года, вып. 6, Л., 1930.
12. Зарубин И. И., Бартангские и рушанские тексты и словарь, Л., 1937.
13. Зарубин И. И., Шугнанские тексты и словарь, М., — Л., 1960.
14. Зелинский А. Н., Древние пути Памира, — «Страны и народы Востока», вып. 3, М., 1964.
15. Карамхудоев Н., Бартангский язык, Душанбе, 1973.
16. Карамшоев Д., Баджувский диалект шугнанского языка, Душанбе, 1963.
17. Кисляков Н. А., Язгулямы (этнографический очерк), — «Известия Всесоюзного географического общества», т. 80, вып. 4, 1948.

18. Қлимчицкий С. И., Ваханские тексты,— «Труды Таджикистанской базы АН СССР», т. 3, Лингвистика, Душанбе, 1936.
19. Моногарова Л. Ф., Язгулямы Западного Памира,— «Советская этнография», № 3, 1949.
20. Пахалина Т. Н., Ишкашимский язык, М., 1959.
21. Пахалина Т. Н., Сарыкольский диалект и его отношение к другим диалектам шугнано-рушанской языковой группы,— «Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов», М., 1960.
22. Пахалина Т. Н., Образцы сарыкольской народной поэзии (с переводом и грамматическим комментарием),— «Краткие сообщения Института народов Азии», № 67, Иранская филология, М., 1963.
23. Пахалина Т. Н., Сарыкольский язык, М., 1966.
24. Пахалина Т. Н., Особенности употребления препозитивных служебных элементов при определяемом имени в сарыкольском языке,— «Acta Orientalia», vol. XXX, 1966.
25. Пахалина Т. Н., Ваханский язык,— сб. «Языки народов СССР», т. I, М., 1966.
26. Пахалина Т. Н., Памирские языки, М., 1969.
27. Писарчик А. К., Термины обращения *ло* и *ро* в шугнано-рушанской группе языков в верховьях Пянджа,— «Известия ТФАН», № 5, 1949.
28. Писарчик А. К., Рушанские тексты, Душанбе, 1954.
29. Розенфельд А. З., К вопросу о памирско-таджикских языковых отношениях (на материале ванджских говоров),— «Труды Института языкознания АН СССР», т. VI, М., 1956.
30. Розенфельд А. З., Ванджские говоры таджикского языка, Л., 1964.
31. Семенов А. А., Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов,— «Мир ислама», 1912.
32. Соколова В. С., Очерки по фонетике иранских языков, вып. 2, М.—Л., 1953.
33. Соколова В. С., Рушанские и хуфские тексты и словарь, М., 1959.
34. Соколова В. С., Бартангские тексты и словарь, М., 1960.
35. Соколова В. С., К уточнению классификации шугнано-рушанской группы памирских языков,— «Иранский сборник», М., 1963.
36. Соколова В. С., Шугнано-рушанская языковая группа,— сб. «Языки народов СССР», т. I, М., 1966.
37. Соколова В. С., Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы, Л., 1967.
38. Соколов С. Н., Авестийский язык, М., 1961.
39. Файзов М., Язык рушанцев Советского Памира, Душанбе, 1966.
40. Эдельман Д. И., Язгулямская легенда об Александре (с приложением грамматических сведений),— «Краткие сообщения Института народов Азии», № 67, Иранская филология, М., 1963.
41. Эдельман Д. И., Глагольная система язгулямского языка — «Иранский сборник (к 75-летию проф. И. И. Зарубина)», М., 1963.
42. Эдельман Д. И., Язгулямский язык, М., 1966.
43. Эдельман Д. И., Основные вопросы лингвистической географии, М., 1968.
44. Abdul-Rahim, A Dictionary of the Wakhani language, Simla, 1866.
45. Bellew H. W., Report of a Mission to Yarkand in 1873, Calcutta, 1876.
46. Biddulph J., Tribes of the Hindoo-koosh, Calcutta, 1880.
47. Gauthiot R., Notes sur le Yazgoulami,— «Journal Asiatique», t. VII, № 2, Paris 1916.
48. Gauthiot R., Quelques observations sur le minjâni,— «Memoires de la Société de linguistique de Paris», 1915.
49. Geiger W., Die Pamir-Dialekte,— «Grundriss der iranischen Philologie», Bd I, Strassburg, 1895—1901.
50. Grierson G., Ishkashmi, Zebaki and Yazghulami, London, 1920.
51. Hjulær A., The Languages of the Western Pamir (Shughnan and Vakhan), Kopenhagen, 1912.
52. Lentz W., Pamir-Dialekte, I,— Materialien zur Kenntniss der Schugni-Gruppe, Göttingen, 1933.
53. Lorimer D. J. R., The Wakhi language, London, 1958.
54. Morgenstierne G., Notes on Shughni,— «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», vol. I, Oslo, 1928.
55. Morgenstierne G., Indo-iranian frontier languages, vol. 2, Oslo, 1938.
56. Morgenstierne G., The Demonstrative Pronouns in Shughni,— «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», vol. 12, Oslo, 1942.
57. Morgenstierne G., The development of r+sibilant in some Eastern Iranian languages,— «Transactions of the Philological Society», 1948.
58. Morgenstierne G., Neu-iranische Sprachen,— «Handbuch der Orientalistik», Abt. I, vol. IV, Leiden — Köln, 1958.

59. Morgenstierne G., Feminine nouns in=a in Western Iranian dialects,— «A Locust's leg», London, 1962.
60. Morgenstierne G., Iranian feminines in čī,— «Indological Studies», New Haven, 1962.
61. Morgenstierne G., Notes on the Pashto Tolana Vocabulary of Munji,— «Acta Orientalia», XXX, 1966.
62. Pakhalina T. N., Colloquial texts on Sarikoli,— «Acta Orientalia», XXIX, 1—2, 1965.
63. Pokorny J., Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch, Bern, 1951.
64. Shaw R., On the Ghalchah Languages (Wakhi and Sarikoli),— «Journal of the Asiatic Society of Bengal», vol. 45, 1876.
65. Shaw R., On the Shughni (Ghalchah) Dialekt,— «Journal of the Asiatic Society of Bengal», vol. 46, 1877.
66. Shah Abdullah Badakhshi, A Dictionary of some languages and dialects of Afghanistan, Kabul, 1960.
67. Sköld H., Materialien zu den iranischen Pamirsprachen, Lund, 1936.
68. Tomaschek W., «Centralasiatische Studien», II, Die Pamir-Dialekte, Wien, 1880.
69. Zarubin J. J., Two Yazghulami texts,— «Bulletin of the School of Oriental Studies», vol. 8, London, 1936.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ав.	— авестийский
барт.	— бартагский
бадж.	— баджувский
бел.	— белуджский
вандж.	— ванджский
вах.	— ваханский
др.-инд.	— древнеиндийский
др.-ир.	— древнеиранский
др.-перс.	— древнеперсидский
и.-е.	— индоевропейский
ишк.	— ишкашимский
мундж.	— мунджанский
ор.	— орошорский
руш.	— рушанский
сар.	— сарыкольский
согд.	— согдийский
ср.-инд.	— среднеиндийский
хуф.	— хуфский
шугн.	— шугнанский
язг.	— язгулемский